

ТАНКИ.
ВПЕРЕД!

ТАНКИ В БОЮ

ТАНКИСТ НА «ИНОМАРКЕ»

ДМИТРИЙ ЛОЗА

За Родину! За Сталина!

Дмитрий Федорович Лоза

Танкист на «иномарке»

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147553
Танкист на «иномарке»: Эксмо, Яуза; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-41890-9

Аннотация

«В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции поставляли в Советский Союз по ленд-лизу различную боевую и транспортную технику. Я один из тех, кому судьба предназначала стать танкистом-„иномарочником“ – воевать почти два года против немцев, а затем и японцев на английских „Матильдах“ и американских танках „Шерман“ М4А2, которые экипажи ласково звали „Эмча“ (по двум первым знакам буквенно-цифрового обозначения)».

Автор этой книги, Герой Советского Союза Д.Ф. Лоза, в составе 9-го Гвардейского танкового корпуса прошел тысячи километров по дорогам войны, участвовал в Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской, Будапештской, Венской и Пражской наступательных операциях. Четыре танка, на которых он воевал, сгорели, два были серьезно повреждены, но Дмитрий Федорович остался жив и в августе 45-го, преодолев пески Гоби и горы Хингана, принял участие еще и в разгроме Квантунской армии.

Содержание

От автора	4
Часть первая	5
Расплата через годы	5
В «яблочко»	9
Дорогие боевые ордена	11
Нелегкие испытания	12
«Охота с борзыми»	15
«Психическая» атака	17
Огонь по... своим	18
И темнота, и ветер – друзья наши...	23
«Эмча»... пашут	26
Прими, земля!	29
Расплата	31
«Секрет фирм»	33
Объятия маршала	35
«Коктейль» для «Шерманов»	41
Боезапас – брать про запас!	42
В кулак собрав...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Лоза

Танкист на «иномарке»

От автора

В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции поставляли в Советский Союз по ленд-лизу различную боевую и транспортную технику. Я один из тех, кому судьба предназначала стать танкистом-«иномарочником» – воевать почти два года против немцев, а затем и японцев сначала на английских «Матильдах», а затем на американских танках «Шерман» М4А2, который экипажами был ласково назван «Эмча» (по двум первым знакам буквенно-цифрового обозначения). Именно этими танками, начиная с конца 1943 года, укомплектовывались бригады 5-го (с октября сорок четвертого года – 9-го гвардейского) механизированного корпуса, который участвовал в Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской, Будапештской, Венской и Пражской наступательных операциях, а в августе-сентябре сорок пятого года в составе войск Забайкальского фронта корпус громил Квантунскую армию на китайской земле.

Часть первая На западе

Расплата через годы

Начну я свой рассказ с послевоенной зимы сорок седьмого года. Шел второй холодный период моей службы на 74-м разъезде Забайкальской железной дороги. Я уже подал рапорт на поступление в Военную академию имени М.В. Фрунзе и ждал вызова на вступительные экзамены.

В один из февральских дней неожиданно раздался телефонный звонок начальника службы «Смерш» нашей 46-й танковой бригады гвардии капитана Ивана Решняка, бывшего, как и я, ветераном части, воевавшим на Западе и Дальнем Востоке. Надо отметить, что этот карающий орган возглавлял замечательный человек, отзывчивый товарищ, с которым можно было решить любой вопрос. Его по-настоящему уважали, а не боялись танкисты всех рангов.

– Дмитрий, зайди, пожалуйста, ко мне!

Иду и думаю: «Зачем я ему понадобился? Может, что-то связано с рапортом на учебу? ...»

Встретил меня с улыбкой, крепко пожал руку и сразу перешел к делу:

– Ты, Дмитрий, помнишь, у тебя в сорок третьем году в роте был командиром танкового взвода старший лейтенант Сергей Орлов?

Его вопрос меня очень удивил.

– А откуда тебе, Иван, об этом известно? И почему ты интересуешься этой личностью?

– А он совсем недавно объявился. Живет на Украине. Вот послушай, какая информация по нашим каналам пришла в бригаду. Просят тебя подтвердить рассказ Орлова...

В конце сорок шестого года старший лейтенант Орлов пришел в местный военкомат, предъявил удостоверение личности военного образца, которое ему удалось сохранить в немецких лагерях, и поведал следующее:

«Во время боев под городом Рославль Смоленской области в сентябре сорок третьего я был командиром танкового взвода первой роты, командовал которой Дмитрий Лоза – командир первого батальона 233-й танковой бригады механизированного корпуса. Мой английский танк „Матильда“ был подбит. Экипаж погиб, а я сам, тяжело раненный, попал в плен.

Я находился в нескольких фашистских концлагерях. В марте сорок четвертого года я с группой, состоящей из семи военнопленных, совершил побег. Нас преследовали. Четыре человека погибли, но троим удалось уйти. Оставшихся в живых я провел через линию фронта и остался жить на Украине, а два моих солагерника уехали домой. Адреса имеются.

В связи с тем, что у меня после тяжелого ранения нога не сгибается, в армию меня больше не призывали».

На вопрос: «Почему он – офицер – почти два года молчал, не являлся в военкомат, чтобы рассказать все это?» – старший лейтенант ответил: «Я плохо себя чувствовал, не думал, что долго проживу. Очень беспокоила рана. Больше скрывать свое прошлое нет сил. Пришел рассказать всю правду о себе. Вам решать мою дальнейшую судьбу!...»

Д. Ф. Лоза, 1947 г.

Я слушал исповедь Орлова, а на душе кипело. Говоря о своих «бедах», бывший мой сослуживец надеялся, что после многолетней кровавой войны не осталось в живых ни одного свидетеля – офицера или сержанта – танкистов «первой огневой линии». Разве могли они уцелеть в такой сече на танках «Матильда»? И эта уверенность его крепко подвела. Остались свидетели. Мы знали всю правду тех боев под Рославлем. И как вел себя в них бывший командир взвода...

– Что ты скажешь, Дмитрий, на услышанное?

– Вот мудака! Вот сволочь – какую побасенку придумал! – еле выдавил я из себя.

– Что так? Чем он тебя обидел?

– В этой басне одно верно: место и время боев, номер части и подразделения, в которой он тогда воевал. Да и мое звание, фамилию и имя, сука, не забыл. Все остальное – сплошное вранье...

Наша 233-я танковая бригада 17 сентября была введена в бой на правом берегу реки Десна. Наступление на Рославль развивалось медленно. Во-первых, противник сопротивлялся отчаянно, а во-вторых, танки «Матильда» для действий в лесисто-болотистой местности оказались абсолютно непригодными. Эти машины предназначались для использования в пустынях Африки. Какая «умная голова» в Москве решила их сюда направить – осталось загадкой. Дело в том, что у названного английского танка ходовая часть полностью закрыта фальшбортом с рядом «окошек» небольшого размера в его верхней части. В пустыне через последние с траков свободно сыпался песок. В смоленских лесах и болотах за фальш-борт набивалась грязь и корни деревьев. Гусеницу практически заклинивало. Даже мотор глох. Приходилось через каждые 4–5 километров останавливаться и очищать ходовую часть ломом и лопатой.

Разгрузка английских танков «Матильда» в порту г. Архангельска. Февраль 1942 г.

Так вот 18 сентября во второй половине дня мы подошли к деревне Гобики, что в 37 км восточнее Рославля. Десантники при поддержке танков моей роты овладели частью Гобики, но вторая половина деревни, расположенная на взгорье, оставалась в руках гитлеровцев. Наличными силами выбить их оттуда не удалось...

Во время атаки по низине в одном из огородах танк Орлова засел, да так, что самостоятельно выбраться уже не смог. При попытке подать ему буксирный трос эвакуационная группа была накрыта минометным огнем. Ранило двоих. Пришлось оставить эти попытки до наступления темноты, когда должны были подойти подкрепления из других подразделений бригады...

Я приказал Орлову занять круговую оборону вокруг «Матильды», поддерживать со мной непрерывную радиосвязь и ждать прихода ночи. О том, что все им было в точности выполнено, доложил радист сержант Павел Нижник, дежуривший у радиостанции...

В сумерках подготовили длинный буксир, состоящий из нескольких соединенных танковых тросов, которым намеревались вытащить «Матильду» Орлова. Однако, пока мы были заняты подготовкой к операции, в районе застрявшего танка поднялась стрельба. Пулемет «Брен» зашелся необычно длинными очередями. Пальба как внезапно вспыхнула, так и прекратилась.

Я приказал своему радисту вызвать экипаж Орлова и узнать, что там случилось, по какому поводу шла такая стрельба? Но на вызов Нижник не отвечал, однако буквально через несколько минут он сам вышел на связь и доложил о таком, после чего у меня волосы встали дыбом:

– Командир убежал к немцам!

Эту фразу он повторил несколько раз... Я немедленно доложил о случившемся командиру батальона, хотя прекрасно осознавал, чем это ЧП грозит мне, командиру роты... Ночью «Матильду» командира взвода вытащили из грязи. Контрразведчик батальона тут же арестовал ее экипаж. Началось расследование, в ходе которого стало известно следующее.

После получения приказа командира роты на организацию непосредственной охраны засевшего танка был снят спаренный с пушкой пулемет «Брен» (последний вне машины ставился на сошки, превращаясь в удобный ручной пулемет). Орлов и командир орудия младший сержант Яков Стройнов выдвинулись на несколько метров в сторону противника. «И за бугорком заняли огневую позицию. Механику-водителю, вооруженному автоматом, командир взвода приказал находиться у кормовой части танка. Секторы наблюдения и обстрела: правый и левый борта „Матильды“. Сержант Нижник, как сказано выше, дежурил у радиостанции, находясь в башне...

После Стройнов рассказывал:

– Когда мы установили на позиции пулемет, старший лейтенант приказал мне сползть по-пластунски к машине и принести еще два магазина. Мол, нашей пары может не хватить, если завяжется тяжелый бой. Я отправился выполнять приказание... Добрался до танка, попросил Нижника подать мне два диска. Принял их. Повернулся лицом к пулеметной позиции, чтобы лечь на землю и ползти к «Брену». В сгустившихся сумерках я увидел, как командир с поднятыми руками бежал к немецким окопам. Я швырнул на траву оба магазина и помчался к пулемету. С разбегу упал возле него. Хотел передернуть затвор, чтобы открыть огонь, но его на месте не оказалось – он валялся на лугу чуть поодаль. Схватил. Поставил на место и, когда взводный уже подбегал к вражеским окопам, хлестанул длиннющей очередью – попал. Орлов завалился в окопы к немцам. В нервном возбуждении продолжал нажимать на спусковой крючок, пока не кончились боеприпасы...

Экипаж был снят с танка и расформирован. Ему вменялось в вину то, что он не предотвратил побег командира. А что они могли сделать? Подлец, все предусмотрел, расставил своих подчиненных так, что они не видели начала его действий...

Иван Решняк слушал меня внимательно, не перебивая. Когда я закончил, спросил:

– Так, Дмитрий, ты не знаешь дальнейшую судьбу экипажа Орлова? Хорошо бы еще одного свидетеля найти!

Моя улыбка немного разозлила капитана.

– Чего усмехаешься?! Дело серьезное. Решается судьба человека!

– Не вопрос! Павел Нижник – радист экипажа Орлова – все еще служит старшим писарем штаба батальона.

– Зови его сюда!

Через считанные минуты старший сержант Нижник входил в кабинет контрразведчика бригады. Капитан коротко ознакомил его с документом, прочитанным ранее мне, и попросил рассказать о том, как старший лейтенант Орлов сдался врагу...

В наших монологах больших расхождений не оказалось. Решняк был доволен и попросил нас через дватри дня принести ему письменное изложение событий 18 сентября сорок третьего года, что мы и сделали...

Где-то через месяца полтора Иван Григорьевич звонит мне:

– Дмитрий, бери Нижника и приходите ко мне. Есть интересная информация об Орлове.

Вот что нам стало известно из новых материалов, присланных бригадному контрразведчику... Когда Орлову прочитали и показали наши свидетельства, он побледнел. Несколько минут не мог говорить. Понял – он разоблачен. Нашлись-таки очевидцы тех событий. Надеяться ему было больше не на что, и он не стал скрывать свою «биографию»...

В середине сорок второго года попал в плен, был завербован и прошел необходимую подготовку в разведывательном центре под Берлином. В конце этого же года через Иран был заброшен в Советский Союз. Прибыл в город Горький с документами из госпиталя, где и попал в нашу 233-ю танковую бригаду.

После сдачи в плен 18 сентября сорок третьего года находился на излечении в немецком госпитале – Стройнов перебил ему правую ногу... После окончания лечения почти восемь месяцев проходил подготовку в разведцентре, готовившем разведчиков для работы в послевоенное время. Затем немцы поместили Орлова в концлагерь, организовали ему с группой пленных побег. В ходе преследования беглецов часть из них была уничтожена, а троих оставили в живых, как свидетелей «отважного» поступка офицера-танкиста, который не только сам вырвался из фашистских застенков, но и помог это сделать нескольким соотечественникам...

Орлову предписывалось: устроиться на жилье, где он пожелает (как известно, он поселился на Украине); ударно трудиться; после окончания войны явиться в военкомат, где рассказать о пленении вследствие тяжелого ранения. Пройдя проверку, требовалось продолжать честно и усердно работать. На начало ведения разведки и ее характер должна была поступить соответствующая команда...

В «яблочко»

Наступление на Рославль продолжалось. Побег старшего лейтенанта Сергея Орлова к немцам камнем лежал на душе – я все время ждал вызова в «Смерш». Однако контрразведчики продолжали разбираться с экипажем, а до меня очередь пока не дошла. А может, непрерывные бои не позволяли вызвать командира роты?...

22 сентября. Медленно продвигаемся, ведя бои за каждую деревню. И вот, выбив противника из очередного опорного пункта, моя танковая рота преследует вражескую пехоту, откатывающуюся на север по проселочной дороге через небольшое картофельное поле. Гусеницы «Матильд» с трудом проворачиваются, и мы движемся со скоростью пешеходов – надо уже останавливаться и очищать ходовую часть от грязи. Ко всему прочему то ли по чьему-то злому умыслу, то ли по недосмотру снабженцев к 40-мм пушкам «Матильд» подвезли только бронебойные снаряды – «болванки». Осколочных снарядов в боекомплекте не оказалось. То есть танк мог успешно вести борьбу с бронированными целями и с пехотой пулеметом на действительную дальность его стрельбы. Однако расстояние между «Матильдами» и неприятелем возросло до 800–900 метров, что делало его огонь малоэффективным.

Колонна танков «Матильда» и «Валентайн» 192 тбр выдвигается для атаки. 61-я армия, Западный фронт, август 1942 г.

Группа из десятка гитлеровцев вышагивала по полю левее дороги. Видя, что мы не стреляем, два верзилы из этой группы остановились и, спустив штаны, начали показывать нам свои задницы. Дескать – на, выкуси! Немец – в коломенскую версту ростом – даже ухитрялся, наклонившись, просовывать голову между расставленных ног и довольно, с захлебом, ржать...

На Украине, откуда я родом, такой «показ» является оскорблением самой высокой степени. Может, они просто обнаглели и уверовали в свою безнаказанность, а может, от Орлова знали, что я украинец, и решили «достать» до печенок? Не знаю...

Мой командир орудия сержант Юрий Слобода неоднократно просил меня:

– Ротный, разреши, я им засажу!

Я его успокаивал:

– Не будешь же ты по каждой жопе бить бронебойным, да и осталось их 15–17 штук.

А когда подвезут пополнение боеприпасов – неизвестно. Наберись терпения...

Ободренные безнаказанностью, «артисты» вошли в раж. Какие только «коленца» они не выдавали! И задом, и передом... Терпение мое наконец лопнуло:

– Юра, бей!

При очередном «спектакле» немцев, в котором участвовали уже трое «артистов», Слобода скомандовал механику-водителю:

– Короткая!

На секунды «Матильда» застыла на месте. Юрий схватил в перекрестье прицела самого высокого фашиста с достаточно объемной «хлебницей». Бронебойный снаряд попал

точно в «яблочко», разорвав «актера» в клочья. Бесформенные куски его тела разлетелись в разные стороны. Оставшиеся в живых фрицы кинулись врассыпную... Как они смогли, улепетывая, подобрать штаны? Удивительно!

...Гнали мы неприятеля до наступления темноты. Бежал он прытко и больше «показов» не устраивал.

На следующий день, когда до Рославля оставалось рукой подать, сопротивление противника резко возросло. Видать, успел подтянуть резервы... В полдень мой танк был подбит, а я – тяжело ранен и отправлен в госпиталь, откуда вернулся в свою бригаду только через три месяца.

Находясь на излечении, нередко думал: «Слава богу, ранили! А то не избежать бы мне неприятного разговора, а возможно, и наказания за ЧП в роте – побег Орлова. А так командование корпуса за бои на Смоленщине наградило меня орденом Отечественной войны 2-й степени». Трудной была моя первая боевая награда!

Дорогие боевые ордена

Коль уж речь зашла о наградах, расскажу, как награждали в нашей бригаде. Порядок представления отличившегося в бою к награждению был следующий: в штабе батальона составлялся наградной материал, в котором кратко описывался подвиг представляемого к награде, что он конкретно совершил (сколько врагов уничтожил, какое количество огневых средств противника подавил и т. д. Надо сказать, что цифры немецких потерь, кроме количества подбитых танков, частенько брались, что называется, «с потолка») и награждения каким орденом достоин. К примеру, меня представили к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени, право на награждение которым имел командир корпуса. Подписанный комбатом наградной лист поступал к командиру бригады, который писал заключение: «Достоин награждения орденом Отечественной войны 2-й степени», подписывал и ставил печать части. Далее материал направлялся в штаб корпуса, где готовили приказ по корпусу о награждении отличившихся танкистов, артиллеристов, пехотинцев в недавних боях. Надо сказать, что эта процедура проходила очень быстро – война есть война. Сегодня фронтовик жив, а завтра он может быть в госпитале или в земле сырой. Было немало примеров, когда тот или иной командир (командующий) сразу награждал особо отличившихся воинов, прямо на поле боя, а соответствующие документы оформлялись позже. У нас – в танковых войсках – известие о таком срочном награждении военачальник передавал посредством радиосвязи, так что все подчиненные узнавали об этом сразу. После подписания приказа о награждении командиром корпуса готовились выписки из него, для каждой части подбирались соответствующие награды и передавались в подчиненные штабы...

Орден награжденному вручался в торжественной обстановке: в перерыве между боями, на отдыхе части или в районе сосредоточения. Одним словом, там, где была возможность выкроить час-два. Раненым – в лечебных учреждениях.

И, конечно, награда «обмывалась». К положенным «наркомовским» ста граммам командир батальона обязательно добавлял из своего резерва. У нас в батальоне существовал неписанный ритуал «обмывания»: командир батальона опускал орден в стакан, наливал водки. Награжденный выпивал содержимое стакана и забирал свою награду. Только после этого «освящения» он имел полное право прикреплять ее на гимнастерку.

Нелегкие испытания

Осенью 1943 года после тяжелых летних боев части нашего 5-го механизированного корпуса находились на переформировании в лесах севернее и западнее города Наро-Фоминска. К этому времени вместо английских «Матильд» на вооружение корпуса были поставлены американские танки М4А2 «Шерман». Семь часов в сутки на отдых, остальное время было занято изучением техники, стрельбами на полигоне, тактическими учениями в поле. Для ускорения освоения техники в нашей 233-й бригаде было разрешено в каждом танковом батальоне силами экипажей почти полностью разбирать один «Шерман». Изучалось устройство и действие того или иного прибора, агрегата, пушечно-пулеметного вооружения. Имелась полная возможность, как говорится, руками пощупать «живой» механизм. На такую учебу затрачивалось 10 дней, после чего теми же силами танк собирался. Заместитель командира батальона по технической части вместе с механиком-регулирующим проверяли на ходу его исправность, оружейники – действия пушки и пулеметов. Приходила новая группа обучаемых и по такой же методике штудировала «американца». Только в начале октября, когда централизованно были выпущены подробные плакаты по устройству и работе всех агрегатов и вооружения «Шермана», издан хороший учебник, от этого метода обучения отказались...

15 ноября наша учеба была прервана. Поступил приказ: за ночь подразделениям 233-й бригады погрузиться в эшелон на станции Наро-Фоминск. И в дорогу. Куда? Знал только высокое начальство... С наступлением утра два первых эшелона бригады тронулись в путь. Поезд останавливался только для смены паровозной бригады и приема пищи танкистами. К середине дня 16 ноября из названий, мелькавших мимо вагонов станций, стало ясно, что идем на Киев.

Мы, фронтовики, понимали, что коли танки перебрасываются по железной дороге днем с такой поспешностью – значит, где-то на передовой дела плохи... Действительно, как потом выяснилось, в конце ноября – начале декабря гитлеровское командование из района южнее Белой Церкви нанесло мощный удар в северном направлении с целью ликвидировать плацдарм советских войск на западном берегу Днепра. Стрелковые части, поспешно занявшие оборону, не выдержали вражеского натиска. Нависла реальная угроза захвата фашистами Белой Церкви, выхода их на ближние подступы к Киеву...

Через сутки Киев остался позади. Стало известно, что бригада будет разгружаться в Фастове... И вдруг головной эшелон останавливается в чистом поле. Офицеры связи штаба 1-го Украинского фронта вручили подполковнику Николаю Чернушевичу письменное распоряжение и карту с нанесенной боевой задачей: немедленно разгрузиться и, совершив марш, занять оборону севернее города Фастов.

Легко сказать: «Разгрузиться!» А как это сделать, когда рядом с насыпью железной дороги нет разгрузочной площадки? К тому же «Шерманам» нужна для разворота значительная площадь, поскольку механизм поворота танка был основан на использовании двойного дифференциала, не позволявшего развернуть танк на небольшом «пятачке», скажем, на 90° или 180°, как это могла делать «тридцатьчетверка». А где взять свободное пространство на железнодорожной платформе?... Представители штаба фронта торопили с разгрузкой. Обстановка на передовой требовала срочного ввода свежих резервов...

Командир бригады собрал совещание. Ознакомил с содержанием полученного приказа. Просил офицеров батальона высказать свои соображения по вопросу разгрузки. Командир первого батальона капитан Николай Маслюков доложил, что механик-регулирующий старшина Григорий Нестеров в подобной ситуации разгружал танки и согласен показать механикам-водителям и командирам танков, как надо «прыгать с платформы».

На руках откатали хвостовую платформу на несколько метров назад, остановив ее в точке, где от края платформы до земли было не более метра, и открыли борта. Заработал мотор «Эмча». Танк двинулся вперед, остановился, потом под небольшим углом к платформе – назад. Казалось, что бронированная громадина вот-вот сорвется вниз, но тормоза в самый последний миг намертво застопорили машину. Опять вперед и назад под все более увеличивающимся углом к платформе. Прошло не менее получаса, прежде чем «Шерман» наконец стал поперек платформы и медленно двинулся вперед. Его носовая часть на секунду повисла в воздухе, а затем – стремительный «клевок». Треск досок настила, скрежет металла бортов платформы. Удар гусениц о землю. Щебенка железнодорожной насыпи, комья чернозема разлетелись в разные стороны. Моторы взревели, и «Шерман», выскочив на ровную площадку в 15 метрах от рельс, застыл на месте. Из люка механика-водителя показалась голова Григория Нестерова. Довольная улыбка на облитом потом лице. В исправности гусеницы, невредим старшина. Показ закончился с отличным результатом.

Подполковник Чернушевич, наблюдавший эту «разгрузку», одобрительно произнес: «Цирк-а-ач! Настоящий виртуоз!»

Вскоре эшелон рассыпался по перегону. Экипажи искали удобные «трамплины» для прыжка с платформы. Над степью поплыл мощный гул моторов, треск ломаемых досок, разноголосый звон металла. «Десантирование» танков пошло полным ходом. Неслись радостные возгласы: значит, «Шерман» удачно «ступил» на землю, и печальные: «Завалился!» Две машины лежали на боку. Некоторые механики-водители гладили полученные ими «шишки». Танкисты-неудачники сустились возле своих «отдыхающих» «Эмча». Быстро подошли сошедшие с платформы танки, зацепили «лежебок» буксирными тросами и поставили на гусеницы. Заместитель командира батальона по технической части старший лейтенант Александр Дубицкий и механики-водители проверили в них все агрегаты в моторном и боевом отделениях. Поломок не было. Механизмы «Шерманов» выдержали проверку резким динамическим ударом. Фирмы «Фишер-Боди», «Бьюик», «Форд» и «Крайслер» сработали на совесть!

Через два часа батальоны бригады были готовы к движению. На путях сиротливо стояли изуродованные платформы, которые после нашей экстренной разгрузки ждали доменные печи.

Украинская осень сорок третьего года встретила нас дождем и мокрым снегом. Ночью дороги, покрываясь крепкой ледяной коркой, превращались в каток. Каждый километр пути требовал затраты немалых сил механиков-водителей. Дело в том, что траки гусеницы «Шермана» были обрезиненные, что увеличивало срок их эксплуатации, а также снижало шум движителя. Лязг гусениц, столь характерный демаскирующий признак «тридцатьчетверки», был практически не слышен. Однако в сложных дорожно-ледовых условиях эти гусеницы «Шермана» стали его существенным недостатком, не обеспечивая надежной сцепки траков с полотном дороги. Танки оказались поставленными на «лыжи».

В голове колонны двигался первый батальон. И хотя обстановка требовала поторапливаться, скорость движения резко упала. Стоило механику-водителю чуть нажать на газ – и танк становился трудноуправляемым, сползал в кювет, а то и становился поперек дороги. В ходе этого марша мы на практике убедились, что беда в одиночку не ходит. Вскоре выяснилось, что «Шермана» не только «легкоскользкие», но и «быстроопрокидывающиеся». Один из танков, заскользив на обледенелой дороге, ткнулся внешней стороной гусеницы в небольшой бугорок на обочине и мгновенно завалился на бок. Колонна встала. Подойдя к танку, шутник Николай Богданов изрек горькое: «Сия судьба-злыдня отныне спутник наш!..»

Командиры машин и механики-водители, видя такое дело, начали «ошпоривать» гусеницу, накручивая на внешние края траков проволоку, вставляя в отверстия движителя болты. Результат не замедлил сказаться. Маршевая скорость резко увеличилась. Переход закончили

без приключений... В трех километрах севернее Фастова бригада оседлала шоссе, идущее на Бышев.

Прошли сутки, за которые обстановка на киевском направлении нормализовалась. Войска, обороняющиеся впереди, остановили наступление противника...

Ремонтные подразделения бригады и батальонов в спешном порядке (в любой момент может последовать приказ на совершение нового марша) начали наварку шпор на гусеницы. Со всеми командирами танков, механиками-водителями и их помощниками была проведена разъяснительная работа о причинах неустойчивости «Эмча», которых было три: значительная высота танка (3140 мм), его небольшая ширина (2640 мм), высоко расположенный центр тяжести. Такое невыгодное соотношение тесно взаимосвязанных характеристик и сделало «Шерман» довольно валким. Подобного с «Т-34» никогда не случалось, поскольку он был ниже американского танка на 440 мм и шире на 360 мм.

Надо сказать, что при штабе 5-го механизированного корпуса находился представитель фирмы – изготовителя танков. Он скрупулезно собирал и учитывал все выявленные в ходе эксплуатации недостатки «Эмча» и по своим каналам сообщал о них руководству фирмы. Память не сохранила его фамилию, помню только, что мы все звали его Миша. На встречах однополчан частенько вспоминаем, как Миша, увидев механика-водителя, пытавшегося ключом или отверткой что-то подкручивать, к примеру, в моторном отделении, строго выговаривал: «Здеси заводски пломбы – ковыряти нельзя!» Да и не нужно там «ковыряти» – в пределах нормативного ресурса машины работали как прекрасный хронометр.

Миша был сильно огорчен тем, что «Шермана» в движении так плохо себя вели. Он не мог спокойно смотреть на «операцию» по улучшению ходовых качеств «дитяти» его фирмы, и уже где-то в феврале сорок четвертого года к нам в бригаду прибыли новые танки, в запасном комплекте инструментов, электролампочек и предохранителей которых находилось 14 запасных траков, «ошпоренных» в заводских условиях.

«Охота с борзыми»

Не знаю, кто первый назвал этим охотничьим термином выработанный «эмчистами» способ борьбы с тяжелыми немецкими танками, но не от хорошей жизни нам пришлось прибегнуть к нему. Дело в том, что в огневом противоборстве возможности танков сторон были неравными. На «Тигре» стояло 88-мм орудие, на «Пантере» – длинноствольная 75-мм пушка. На «Шерманах» стояло 75-мм орудие с относительно низкой начальной скоростью снаряда, что делало 85-100-миллиметровую лобовую и башенную броню танков противника практически неуязвимой для наших «болванок».

26 января сорок четвертого года началась Корсунь-Шевченковская операция двух Украинских фронтов. Недавно созданная 6-я танковая армия, в которую входил и 5-й механизированный корпус, из района севернее Тыновки наносила удар в юго-восточном направлении на Звенигородку. Ей навстречу наступала 5-я гвардейская танковая армия соседнего фронта. Во взаимодействии со стрелковыми соединениями этим танковым армиям предстояло окружить значительные силы неприятеля в Корсунь-Шевченковском выступе.

С утра 27 января 233-я танковая бригада – костяк передового отряда корпуса – получила задачу: не ввязываясь в затяжные бои за отдельные опорные пункты противника, прорваться в Звенигородку, где и замкнуть кольцо окружения. К этому времени я занимал должность начальника артиллерийского обеспечения первого батальона.

В середине дня первый танковый батальон бригады с десантом на броне вышел на подступы к крупному и важному в оперативно-тактическом отношении населенному пункту Лысянка. Противник, понимая ключевое значение этого опорного пункта, сосредоточил для его удержания батальон пехоты, усиленный пятью танками «Тигр».

Районный центр Лысянка расположен в низине, обрамленной холмами. Именно на них укрепились немцы, прикрыв многослойным огнем дорогу и примыкающие к ней возвышенности. Балкам и оврагам обороняющийся внимания почти не уделял, считая, что раскисшее от ненастья дно и склоны непригодны для действий танков.

Для того чтобы овладеть Лысянкой, прежде всего надо было выбить танки противника, а с пехотой разделаться будет значительно легче. Выполнение этой задачи пришлось вести практически под проливным дождем.

Командир батальона капитан Николай Маслюков принял решение создать отвлекающую группу из двух танковых взводов, которые должны были атаковать противника вдоль шоссе, а ударной группе, взводу младшего лейтенанта Михаила Приходько, приказал, двигаясь по склону одной из обширных балок, выйти во фланг «Тигров». В этот замысел вложена модель «охоты с борзыми»: с фронта собаки дразнят волка, а с боков заходят несколько псов, чтобы напасть...

Для достижения внезапности в этой атаке командир приказал соблюдать радиомолчание. Работали радиостанции только командира батальона и двух взводов, наступающих вдоль дороги.

Внимательно всматриваясь в окружающую местность, Приходько не замечал ничего, кроме мокрого кустарника да изредка мелькавших невысоких деревьев. «Эмча» его взвода «кралась» на низких оборотах двигателей, избегая движения по одной колее, чтобы не засесть в раскисшем черноземе. Встречный ветер швырял в лицо крупные капли дождя, относя шум работающих моторов за корму, что, конечно, способствовало скрытности действий. Сегодня погода была явно на нашей стороне. Позади остались сотни метров трудного пути, когда командир взвода заметил впереди бугорок – над землей возвышалась натянутая небольшая плащ-палатка. Она шевельнулась. Из-под брезента вылез немецкий солдат и уставился на головной танк, явно не понимая, чей он: свой или чужой. Механик-водитель, не

мешкая, бросил «Шерман» на вражескую позицию и вмял солдата и его накрытый брезентом пулемет в землю, бесшумно уничтожив боевое охранение противника. Повезло!.. Однако за пеленой дождя основные силы противника были невидны. Приходько доложил комбату о встрече с охранением неприятеля. И получил команду: «Остановиться!» Отвлекающая группа вдоль дороги начала энергичную «дразнящую» атаку, стараясь полностью приковать внимание обороняющегося к себе и тем самым облегчить выполнение задачи экипажами Приходько. В это время где-то в вышине сильный порыв ветра разметал тяжелую пелену облаков, дождь на какое-то время прекратился. В прицел Приходько увидел перед собой в семистах метрах две немецкие машины, орудия которых «сторожили» дорогу, готовые в любую секунду встретить убийственным огнем наши атакующие с фронта танки. Два «Шермана» его взвода стояли уступом и могли, не мешая друг другу, без промедления открыть огонь. Пушки уже давно заряжены бронебойными снарядами. «Твой „Тигр“ – правый, мой – левый. Огонь!» – скомандовал Михаил.

Правый «Тигр» загорелся, а левый «Тигр» только вздрогнул от попадания болванки. Приходько крикнул командиру орудия: «Добивай!» Второй бронебойный снаряд сделал свое дело – танк окутался черным дымом. Немецкие танкисты стали выпрыгивать из машин под пулеметные очереди «Шерманов». Попад под удар с двух сторон, противник, отстреливаясь, стал отходить к югу. Спустя десять минут передовые танки батальона Маслюкова во взаимодействии с десантниками ворвались на вражеские позиции. Внизу раскинулась Лысянка...

Участвуя в отражении попыток противника вырваться из Корсунь-Шевченковского «котла», «эмчисты» применяли и другой способ борьбы с тяжелыми вражескими танками. В каждом взводе на одного атакующего «Тигра» выделялось два «Шермана». Один из них, подпуская немецкий танк на 400–500 метров, бил бронебойным снарядом по гусенице, другой – ловил момент, когда целая гусеница разворачивала «крестатого» бортом, и посылал ему в топливные баки болванку.

«Психическая» атака

У каждого офицера на фронте был свой «звездный» час. Для капитана Николая Маслюкова это был бой за Лысянку, ставший пиком его командирского таланта. Несомненно, и в других боях ярко блеснуло бы дарование комбата, но до смерти ему «оставалось четыре шага». Погибнет Маслюков в 13 часов 28 января сорок четвертого года в Звенигородке. Куда мы так настойчиво пробивались.

...Буйство непогоды продолжалось. Небольшого ее просветления хватило только для овладения важными высотами на подступах к Лысянке. Затем полил еще более сильный дождь, а с наступлением сумерек повалил обильный мокрый снег. Хочешь не хочешь – этот опорный пункт противника придется брать ночью...

В то время как экипажи пополняли «Эмча» боеприпасами, Николай Маслюков собрал командиров рот и командиров танков. Обрисовал сложившуюся ситуацию, предстоящий ночной бой в населенном пункте, выслушал мнения подчиненных. Все склонялись к одному: атаковать Лысянку незамедлительно, ведя огонь с ходу. Капитан, согласившись с мнением офицеров, предложил включить фары и на полную мощность сирены («Эмча» имели небольшие, но довольно мощные фары и сирену, при включении которой даже у знающих ее «голос» танкистов начинали мурашки бегать по спине).

Прошли годы и годы, а картина той необычной атаки со всеми ее подробностями стоит перед глазами... Яркий свет фар выхватывал из темноты дорогу, прилегающие к ней поля, дома, деревья, ослеплял вражескую пехоту и артиллерийскую прислугу. Плыл в ночи мощный рев сирен, бьющий по барабанным перепонкам, тяжелым грузом давящий на мозг... Огонь противника, вначале довольно плотный, начал ослабевать. «Психическая» атака приносила плоды.

Экипажи «Шерманов» с первых минут атаки открыли интенсивный пушечно-пулеметный огонь, а когда упорство противника заметно ослабло, Маслюков строго приказал: «Беречь боеприпасы! Давить гусеницами!»

Каждый командир взвода и танка, немного высунувшись со своего люка, хорошо видел освещенное расположение неприятеля. И по внутреннему переговорному устройству подавал команды механику-водителю, направляя «Эмча» на обнаруженную цель. Автоматчики-десантники перебегали рядом, оберегая «своего» «Шермана» от фаустпатронников... Трещали станины противотанковых пушек. Многотонная масса «американца» легко подминала под себя минометы и пулеметы обороняющегося противника, а влажная мягкая земля без особого сопротивления принимала их обломки в холодные объятия...

Без потерь наш батальон и подоспевший резерв командира бригады – рота автоматчиков – овладели Лысянкой. До города Звенигородки осталось два десятка километров.

Огонь по... своим

Весной сорок четвертого года в труднейших условиях распутицы, когда толщина вязкого слоя черноземного грунта достигала на всех дорогах почти полуметра, шла Уманьско-Батошанская наступательная операция. Части 5-го механизированного корпуса после девятидневного наступления по этой непролазной грязи 15 марта освободили Вапнярку, открыв тем самым возможность стремительного продвижения на юг – к Днестру. Поскольку колесные машины увязли, то в полной мере воспользоваться этой возможностью могли только танки... Во всех бригадах корпуса на «Шермана» и самоходные артиллерийские установки был посажен десант в составе 4–5 автоматчиков во главе с сержантом, а кое-где и с офицером, погружены 2–3 ящика боеприпасов и 1–2 бочки горючего. Такая немалая нагрузка резко снижала маневренность танков и самоходок, но в сложившейся ситуации иного выхода не было, поскольку весь автотранспорт пришлось бросить в районе Вапнярки до подсыхания дорог...

Семнадцать «Шерманов» 45-й механизированной бригады под командованием майора Трошина получили приказ скрытно подойти к городу Могилев-Подольский и отрезать неприятелю пути отхода за реку Днестр.

Танки лейтенанта Евгения Шапкина и младшего лейтенанта Юрия Орехова, находясь в боковом охранении, подходили к городу по длинному оврагу с отлогими склонами, с трудом передвигаясь по раскисшему вязкому грунту. На одном из поворотов лога танк Шапкина застрял. Десантники сразу же спешились и бегом стали выдвигаться, чтобы занять позиции и прикрыть танки с обоих краев оврага. Машина Орехова подошла к попавшему в беду «Шерману» Шапкина, помощники механиков-водителей быстро накинули на крюки буксирные тросы. Юрий, стоя впереди своей «Эмча», руками подавал команды механику-водителю. Буксировка началась. Вдруг десантники, поднявшиеся на левый гребень оврага, закричали: «Немцы!» И тут же открыли автоматный огонь, отходя к своим танкам.

Экипажи мгновенно заняли боевые места. Успели впрыгнуть в башни «Эмча» и прибежавшие танкодесантники левой группы охранения. А вскоре около ста пятидесяти немецких солдат и офицеров подошли к «связанным» танкам на бросок гранаты. Стрелять по ним было уже поздно... Спустя секунды фашисты, словно муравьи, облепили «Шермана». Замазали грязью смотровые щели, залепили черноземом прицельные отверстия в башне, полностью ослепив экипаж. Стучали по люкам, пытались их открыть штыками винтовок. И все горлашили: «Рус, капут! Сдавайтесь!»

Правая группа охранения, отстреливаясь, стала отходить к шоссе. Потеряв двух человек убитыми и трех ранеными, с огромным трудом ей все же удалось достичь магистралей. К счастью, здесь солдаты увидели две приближающиеся боевые машины «Катюш». Их командир, гвардии младший лейтенант Иван Кривцов, выслушав рассказ автоматчиков, не стал мешкать, приняв решение дать залп по противнику, облепившему танки. Ничего другого предпринять было невозможно. Подавляющее превосходство было на стороне неприятеля, а промедление грозило гибелью танкистов. «Катюши» передними колесами быстро спустились в кювет и дали залп прямой наводкой. Яркие огненные стрелы с шипением и свистом устремились в лощину. Через мгновение ослепительное пламя запылало вокруг «Эмча». Когда дым от взрывов ракет рассеялся, танки стояли, на первый взгляд, невредимыми, только корпуса и башни были покрыты густой копотью. По уцелевшим фашистам, разбегавшимся в разные стороны, открыли огонь танкисты. В это время подошли тыловые подразделения 233-й танковой бригады. Солдаты-обеспеченцы в короткой атаке разогнали немцев, захватив около сорока пленных.

...В открывшихся люках освобожденных танков показались «эмчисты». К ним подбежали бойцы. «Как себя чувствуете после такой огненной „купели“?» – спрашивали они наперебой. Шапкин только развел руками, потом показал на уши и, помолчав, сказал: «Сто колоколов звонит в голове. Не советую никому из вас попадать под такую обработку. Даже укрывшись броней танка».

Подошел Иван Кривцов. Извинился за... удар по своим. В сложившейся опаснейшей ситуации другого выхода не было. Евгений Шапкин обнял и расцеловал офицера-артиллериста. «Спасибо, дружище, за выручку! Немного не по себе от вашей работы, но что поделаешь. На войне всякое бывает».

Исправив повреждения гусениц, выкинув обгоревшие брезенты, «Эмча» ушли на Могилев-Подольский.

Но бывали и другие, трагические, эпизоды, связанные с открытием огня по своим.

Спас-Демьянская операция проводилась с 7 по 20 августа 1943 года с целью уничтожения противника и создания условий для дальнейшего наступления на Рославль. Эта операция являлась частью Смоленской наступательной операции.

7 августа 1943 года силы 10-й гвардейской и 33-й армий перешли в наступление. Однако не смогли с ходу прорвать основную линию обороны немцев. 10 августа силы 10-й армии перешли в наступление в районе города Киров и на второй день продвинулись на десять километров в глубь обороны противника, охватывая немецкую группировку с юга, что заставило немецкое командование 12 августа отвести войска из Спас-Демьянского выступа. На следующий день наши войска освободили Спас-Демьянск.

В этой операции командование предполагало использовать 5-й механизированный корпус в полосе наступления 10-й гвардейской армии, однако 11 августа командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский направил корпус на поддержку 10-й армии с целью развития ее успеха. 12 августа подразделения корпуса, совершив 90-километровый марш, сосредоточились северо-западнее Кирова.

Два события заставляют меня отчетливо помнить день 13 августа 1943 года: крещение огнем (моя первая встреча с противником) и трагедия, развернувшаяся на моих глазах, когда наша противотанковая артиллерия расстреляла свои танки. Второй раз быть свидетелем губительного дружественного огня мне пришлось в январе 1944 года в селе Звенигородка, когда встретились танки 1-го и 2-го Украинских фронтов, замкнувших кольцо окружения вокруг Корсунь-Шевченковской группировки немцев.

Эти трагические эпизоды произошли в силу незнания многими солдатами и офицерами того, что на вооружении наших частей стояли танки иностранного производства (в первом случае английские «Матильды», а во втором – американские «Шермана»). Как в первом, так и во втором случае они были приняты за немецкие, что привело к гибели экипажей.

Раннее утро. Наша 233-я танковая бригада сосредоточилась в смешанном лесу с вечера 12 августа. Первый батальон бригады растянулся по его западной опушке. Моя первая рота находилась на его левом фланге в 200 метрах от проселочной дороги, за которой простиралось гречишное поле.

Линия фронта проходила примерно в двух километрах от нас по реке Болва. Оттуда слышался все нарастающий гул развернувшегося сражения. К сожалению, мы не имели информации о событиях на передовой, однако примерно через час звуки боя стали быстро приближаться. Стали слышны пулеметные и автоматные очереди. По дороге проскочила батарея противотанковых 76-мм пушек и с ходу развернулась, заняв позиции на гречишном поле, левее леса, занятого танками бригады, таким образом перекрыв открытое пространство между двух выступов леса. Артиллеристы быстро замаскировали орудия гречихой, подготовив их к отражению возможной танковой атаки.

Я, молодой зеленый лейтенант, нервничал. Незнание всегда вызывает тревогу. Мы продолжали сидеть в наших «Матильдах», вслушиваясь в звуки проходящего боя и постоянно поглядывая в сторону передовой. Над ней появились немецкие пикировщики и, сделав круг, пошли в атаку. Серия взрывов бомб разорвала воздух. Зенитки открыли огонь, и один из бомбардировщиков, получив прямое попадание снаряда, рухнул на землю.

Через час я и мои подчиненные увидели примерно в 900 метрах впереди бегущих солдат, которые явно намеревались укрыться в лесу. Некоторые из них были вооружены, большинство же было без оружия. Не надо быть военным гением, чтобы понять, что пехотное соединение, не выдержав немецкой атаки, в панике оставило свои позиции. Впервые я видел подобное зрелище и совершенно не представлял, что делать в такой ситуации. Буквально через несколько минут я получил категорический приказ стрелять по отступающим войскам. Я не мог поверить своим ушам. Как я могу стрелять по своим? Командир батальона подбежал к моему танку и, обматерив меня, еще раз приказал открыть огонь из пулеметов по отступающей пехоте. Ломающимся голосом я приказал: «Первый взвод, открыть огонь поверх голов пехотинцев. Второй взвод, поставить заградительный огонь перед отступающими!»

Принятое решение пришло ко мне неожиданно, хотя, возможно, я и читал о том, что можно создать ситуацию, которая заставит бегущих солдат залечь. Это даст им время прийти в себя, осмотреться и в конце концов понять, что происходит. Несомненно, что после этого командирам не составит труда вернуть их на позиции.

Шесть установленных коаксиально пулеметов «Брен» одновременно открыли огонь. Поток траассирующих пуль просвистел над охваченными паникой солдатами. Он прошел высоко над их головами, постепенно снижаясь, прижимая их к земле. Перед отступающими выросла завеса заградительного огня, хорошо видная по срезанным побегам гречихи и облачкам пыли, поднимаемым пулеметными очередями. Попадание в эту зону означало быструю и неизбежную смерть. Пулеметы продолжали стрелять, и свинцовый поток их пуль не оставлял солдатам другого выбора, как залечь.

Не прошло и нескольких секунд, как солдаты, как и требовалось, залегли. Я приказал прекратить огонь. Наступила тишина, но через пару минут несколько солдат вскочили и опять попытались бежать в нашу сторону. Пулеметы первого взвода несколькими короткими очередями уложили их на землю. Похоже, до пехотинцев дошло, что еще один шаг в сторону тыла будет означать для них смерть, и больше попыток встать и побежать они не делали. Вскоре появились пехотные командиры, которые несколькими короткими командами подняли лежащих на поле солдат и повели их обратно к реке, на занимаемые позиции. Как мы выяснили позднее, на поле остались лежать семь солдат, принявших позорную смерть от нашего пулеметного огня.

Я находился на грани нервного срыва, а моя голова раскалывалась от боли. Врагу не пожелаешь того, что пережил я, волею судьбы и по приказу Сталина выполнив роль заградительного отряда. Прошло уже более шестидесяти лет, а память об этом эпизоде до сих пор больно отзывается в моем сердце.

Пополняя боеприпасами свои танки во второй половине того же дня, мы работали в полной тишине. Слова застряли в горле, не было слышно обычных шуток и смеха.

А вскоре новый удар. Второе потрясение. Что за день выдался? Пришла, с таким опозданием, информация об обстановке на рубеже реки Болва. Оказывается, противник значительными силами нанес контрудар, сбросив наши стрелковые части, недавно форсировавшие водную преграду в реку. Контратакующий не только ликвидировал наш небольшой плацдарм, но и сумел захватить участок на его восточном берегу. Поэтому и побежали наши пехотинцы.

Наше командование привлекло 2-ю механизированную бригаду 5-го мехкорпуса для ликвидации прорыва. К 17 часам бой вспыхнул с новой силой. Штурмовики нанесли по

гитлеровцам бомбово-штурмовой удар, артиллерия произвела огневой налет. Мотопехота и танки 2-й мехбригады атаковали вражескую оборону, наступая вдоль реки с севера на юг.

Внезапное появление на этом участке фронта советских танков, стремительность их действий не замедлила сказаться. Противник, поняв нависшую угрозу отсечения его подразделений, находившихся на восточном берегу, от основных сил, начал отвод живой силы и огневых средств на западный берег, но времени неприятелю не хватило. Только незначительному количеству обороняющихся войск удалось уйти, а основные силы гитлеровцев были разгромлены и пленены...

2-я бригада получила приказ на возвращение в ранее занимаемый район. Ее командир приказал подразделениям следовать самостоятельно в пункты прежней дислокации, не выстраиваясь в общую походную колонну. Вполне целесообразное распоряжение, позволяющее значительно сэкономить время. Тем более что данный маневр совершался на расстояние всего 2–3 километра. Рота старшего лейтенанта Князева при нанесении контратаки находилась на левом фланге боевого порядка танкового полка. Для нее самым коротким являлся путь через гречишное поле, то есть мимо позиции артиллеристов и нашего расположения. Именно этим ближайшим путем и повел комроты своих подчиненных. Три головные «Матильды» показались из-за небольшого бугорка и пошли прямо по полю. Через несколько секунд две машины загорелись, встреченные залпами нашей противотанковой батареи. Три человека из моей роты кинулись к пушкарям. Пока они до них добежали, последние успели произвести второй залп. Третья «Матильда» остановилась с развороченной ходовой частью. Экипажи роты Князева не остались в долгу. Открыв ответный огонь, они уничтожили два орудия вместе с их расчетами. Мы начали пускать зеленые ракеты, служившие сигналом «свои войска». Противотанкисты прекратили стрельбу. Смолкли и танковые пушки. Взаимный огневой обмен дорого обошелся сторонам: 10 погибших, три танка вышли из строя, уничтожены два орудия.

Английский танк «Матильда». Юго-Западный фронт. Апрель 1942 г.

Командир артиллерийской батареи не находил себе места. Какой позор для его подразделения: приняв «Матильды» за вражеские танки, расстреляли своих! То, что расчеты не имели силуэтов появившихся здесь иномарок, явилось огромным упущением вышестоящих штабов.

...28 января сорок четвертого года. В 13 часов в центре Звенигородки состоялась встреча танкистов 1-го и 2-го Украинских фронтов. Цель операции была достигнута – окружение крупной группировки противника в Корсунь-Шевченковском выступе завершилось.

Для нас – «шерманистов» первого батальона 233-й танковой бригады – радость этого большого успеха оказалась омраченной. Погиб комбат капитан Николай Маслюков. Прекрасный опытный офицер, обаятельный человек. А было это так: с северо-запада к городу, пробившись через оборонительные позиции неприятеля, преодолев восьмидесятикилометровое расстояние по размокшим черноземным полям и дорогам, подошли шесть «Шерманов» – остатки первого батальона. Небольшое пехотно-артиллерийское прикрытие большака, ведущего в Звенигородку, было сметено шквальным пушечным огнем. Снарядов не жалели. Обстановка требовала быстрейшего выхода на конечный рубеж наступления.

Ворвавшись в город, Маслюков направил свои танки вместе с автоматчиками по двум параллельным улицам, чтобы атаковать гитлеровцев на более широком фронте, а не на одном направлении.

Его танк и две машины взвода младшего лейтенанта Петра Алимова выскочили на центральную городскую площадь. С противоположной стороны сюда же мчались два «Т-34» 155-й бригады 20-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Маслюков обрадовался: соединение передовых подразделений войск, идущих друг другу навстречу, состоялось. Их разделяло расстояние не более 800 метров. Комбат-1 начал докладывать обстановку на этот час командиру бригады. И на полуслове связь оборвалась...

Бронебойный 76-миллиметровый снаряд, выпущенный одной из «Т-34», прошил борт «Шермана». Танк загорелся. Погиб капитан, два члена экипажа были ранены. Разыгравшаяся драма – прямой результат неосведомленности «тридцатьчетверочников»: они не знали, что на вооружении частей соседнего фронта имеются танки-«иномарки». Посчитали их за немецкие – и начали расстреливать. А ведь требовалось совсем немного – сообщить танкистам 2-го Украинского фронта о том, что им на встречу движутся «иномарки», и дать им фотографии или рисунки М4А2. И не было бы той беды, которая стряслась.

В происшедшей трагедии повинны и сами «шерманисты». Им следовало бы, увидев «Т-34», немедленно, не после случившегося, дать опознавательный сигнал – две красные ракеты... Говорят: «Если бывалый фронтовик (а таким был Маслюков) допускает промашку, то уж, во всяком случае, немалую». Она стоила ему жизни...

И темнота, и ветер – други наши...

До города Бельцы – рукой подать. Командир 233-й танковой бригады майор Федор Сазонов нацелил вырвавшиеся вперед подразделения на стремительный выход к его восточным кварталам. Однако во второй половине дня 23 марта сорок четвертого года, не дойдя четырех километров до города, наступление приостановилось, наткнувшись на упорное сопротивление немцев. Особенно мешала небольшая высота в 800 метрах левее дороги, удерживая которую неприятель перекрывал подступы к городу. Несколько противотанковых пушек, минометная батарея в этом опорном пункте держала под точным прицелом шоссе. Сюда же вела плотный огонь и артиллерия, расположенная на позициях где-то за высотой.

Обход высоты справа исключался: до самого горизонта простиралось вспаханное поле, сильно размокшее под дождями. Оставалось одно: дожидаться ночи и под покровом темноты атаковать этот ключевой узел сопротивления. Для этого нужна пехота, а в бригаде осталось только полторы роты танкодесантников. Для поддержки их атаки были назначены роты старших лейтенантов Ивана Якушкина и Александра Кучмы из первого батальона. Пополнили их «Эмча» осколочными снарядами, изъяв последние из других подразделений бригады (на быстрый подвоз боеприпасов рассчитывать не приходилось. Только через сутки нам их на парашютах сбросила авиация).

Командир бригады решил с наступлением сумерек скрытно вывести танки (на одном моторе) и пехоту на исходные позиции в балке, находившейся в двухстах метрах от переднего края вражеской обороны. С данного рубежа по общему сигналу обрушить всю силу огня орудий танков на высоту, а затем атакой автоматчиков, поддержанных ротами Якушкина и Кучмы, овладеть ею.

Выслушав решение командира бригады, Иван Якушкин попросил разрешения его роте действовать несколько по-иному. Он предложил оставить один взвод для наступления с фронта совместно с танками Александра Кучмы, а двумя взводами с двумя отделениями автоматчиков, держа малые обороты, по разведанному днем пологому оврагу выйти в тыл немцам. Сильный порывистый ветер, дующий от противника, должен был существенно облегчить выполнение задуманного обхода. В это время танки Кучмы и оставленный взвод роты вместе с автоматчиками должны вести огонь по опорному пункту, отвлекая немцев. По сигналу «зеленая ракета» (танки в расположении противника вышли на исходный рубеж) обе группы должны нанести одновременный удар с тыла и фронта...

Комбриг внимательно выслушал предложение Якушкина. Задал несколько уточняющих вопросов: «Достаточно ли проходим для скрытого маневра пологий овраг?»; «В случае обнаружения обходящей группы как она будет действовать?».

Иван Якушкин доложил майору Сазонову, что северные склоны оврага, по которым предстояло двигаться танкам, хорошо просохли, но все равно по одной колее пойдут не более двух «Эмча», а в случае обнаружения противником нашего маневра целесообразно немедленно атаковать вне зависимости от глубины проникновения группы.

Командир бригады не обиделся. Хотя, на первый взгляд, и было отчего: его решение было существенно откорректировано. Толковую мысль на переднем крае очень даже уважали. Тем более что в данном случае она исходила от опытного фронтовика: Иван Якушкин в действующей армии с первого дня Великой Отечественной.

Комбриг согласился с замыслом Якушкина и сразу же отдал необходимые распоряжения.

...Экипажи приступили к подготовке ночного наступления – тщательно проверяли крепление на корпусе «Эмча» шанцевого инструмента, буксирных тросов – ничто не должно

быть источником шума при движении. К вечеру ветер покрепчал, временами накрапывал дождь. Мы радовались такой погоде: чем она хуже – тем лучше!..

Темнота плотным покрывалом окутала нагретую за день землю, от которой поднимался пар. И это плюс... Пора начинать действовать. Подчиненные Кучмы, приданный ему якушкинский взвод и автоматчики начали осторожно выдвигаться на исходный рубеж для атаки высоты с фронта. Через четверть часа двинулась в рейд группа Якушкина. Отойдя на один километр в свой тыл, она затем повернула на северо-запад и вскоре вышла на избранный маршрут движения... «Шермана» тихо рокотали одним мотором в 375 лошадиных сил, обрезиненные гусеницы на мягкий черноземный грунт ложились практически бесшумно. Четыре автоматчика – разведывательный дозор – шли в 150–200 метрах впереди... Командиры танков, спешившись, вели за собой «Шерманов», стараясь, чтобы больше двух машин не попало в уже проложенную колею.

Два километра пути остались позади, когда Иван Игнатьевич, сидевший на башне головного танка, увидел две синие вспышки карманного фонаря («противник рядом»). Все экипажи сразу приглушили моторы, как было условлено. Немного погодя перед Якушкиным вынырнул из темноты командир разведывательного дозора сержант Александр Пронин. Доложил, что автоматчики почти вплотную подошли к нескольким окопам, откуда слышна немецкая речь.

Иван Якушкин, собрав офицеров, объявил: «Конец тихому хождению. Много ли противника, мало ли – будем атаковать! Неприятель нас не ждет. Огня не вести – давить гусеницами!»

Через несколько минут все было готово к броску, правда, глубокого охвата высоты не получилось – предстояло атаковать обороняющегося не с тыла, как намечалось, а с фланга.

Возвратились к танкам автоматчики, которые уточнили, что, по их мнению, на обнаруженной позиции – до двух отделений пехоты, усиленных пулеметами. Вероятнее всего – это боевое охранение...

Заработали на всю мощь моторы «Шерманов», и в ту же секунду в небо, противно шипя, взлетела немецкая осветительная ракета. Иван Игнатьевич после боя говорил: «О такой услуге противника можно только мечтать! Фрицы с перепугу осветили и нас, и себя, поскольку пустили ее почти вертикально!»

Якушкин доложил командиру бригады о встрече с противником и начале его атаки. Семь танков совершили почти одновременный «поворот направо» и развернутым боевым порядком пошли на неприятельские окопы. Немцы не выдержали и побежали, а наши танко-десантники, не спешиваясь, поливали их автоматным огнем. С высоты в сторону якушкинской группы было выпущено еще несколько осветительных ракет. Ударили минометы, но мины упали с перелетом. Из-за высоты открыла огонь по отсечным рубежам немецкая артиллерия. Небо ежесекундно озарялось снопами «свечей». Иван Якушкин приказал командиру своего танка младшему лейтенанту Ивану Филину дать «зеленую ракету», в ответ на которую в двух километрах справа тотчас ярко вспыхнули выстрелы пушек роты Александра Кучмы. Началась атака высоты с фронта.

Танковый десант под командованием майора Мозгова при поддержке танков «Матильда» выбивает немцев из Гетмановки

Второй минометный налет по обходящим танкам оказался более точным. Три автоматчика были ранены. После этого группа Якушкина открыла огонь. Пехота и танки повели одновременный штурм обороны гитлеровцев с двух сторон. «Пuls» ночного боя хорошо чувствуется по силе огня сторон на том или ином участке линии соприкосновения. Он был достаточно высоким на направлении наступления роты Кучмы и заметно слабее против роты Якушкина. Однако артиллерия противника двумя огневыми налетами накрыла левый фланг атакующих с юга «Шерманов», повредив ходовую часть двух танков. Якушкин приказал этим неподвижным машинам вести огонь по позициям артиллерии фашистов. Заставить ее если не прекратить, то хотя бы ослабить силу воздействия по обходящей группе. Остальные танки, ведя интенсивный пушечный огонь с ходу, продолжали наступление. Натужно ревели моторы двигавшихся по целине «Эмча», оставлявших позади себя глубокие следы гусениц. Автоматчики, спешившись, группками жались к корме танков, укрываясь от неприятельского ружейно-пулеметного огня. Кучма по радио доложил командиру бригады о том, что его подразделения овладели всеми восточными скатами высоты. Противник небольшими силами удерживает ее вершину... Якушкина эти сведения весьма обрадовали. Он приказал своим танкам остановиться и дать три залпа с места по юго-западным скатам высоты. Еще не рассеялся дым взрывов, а уже «Шермана» рванулись вперед, подминая под себя все, что сохранилось на позициях гитлеровцев...

Не останавливаясь, танки повернули налево и устремились к позициям артиллерии противника.

С рассветом на высоте воцарилась тишина. Около ста солдат и офицеров убитыми и двадцать пленными потерял противник. Танкисты уничтожили восемь минометов, три противотанковых орудия, пять ручных и два тяжелых пулемета, раздавили четыре 75-мм полевые пушки, потеряв три «Шермана». Атакуй мы днем – вряд ли был бы достигнут такой результат.

Дорога на Бельцы была свободна.

Командиры рот Кучма и Якушкин приказом командующего танковой армией генерала А.Г. Кравченко были награждены орденами Красного Знамени.

«Эмча»... пашут

К 28 марта сорок четвертого года танки 5-го механизированного корпуса с десантом на броне, преодолев с боями около 300 километров, достигли реки Прут на участке Скуляны – Унгены, завершив на этом направлении Уманьско-Батошанскую наступательную операцию. Из штаба 233-й танковой бригады в первый батальон поступило распоряжение послать офицера на танке по маршруту недавнего нашего наступления с задачей собрать все отремонтированные боевые машины (их на этом трудном пути осталось двенадцать) и направить в Скуляны... Необходимость посылки такого «регулирующего» вызывалась тем, что в ходе наступления конечный пункт действий бригады был изменен, а оставленные из-за грязи тыловые подразделения и экипажи вышедших из строя «Шерманов» об этом не знали.

Командир батальона капитан Александр Коган эту необычную миссию приказал выполнить мне... Сборы были недолги. Взяли на борт две бочки дизтоплива, на несколько суток сухого пайка и в путь-дорогу...

Две недели продолжалось наше «путешествие». Что можно увидеть на земле, где только недавно закончились ожесточенные бои: сгоревшие дома, а то и превращенные в пепел целые деревни. Наступала пора посевов яровых хлебов. А где взять для этого зерно? Фашисты все вывезли. Огороды заросли бурьяном. Чем пахать? Ни лошадей, ни тракторов в колхозах нет. По деревням остались одни женщины да немощные старики. На их плечи и легли все житейские заботы: кормить детей, пахать землю, убирать выращенный урожай... Таково наследие немецкого «нового порядка»...

Выполнив поставленную задачу, я с двумя «Шерманами» возвращался в расположение бригады. Солнце клонилось к западу, когда мы подходили к селу Черневцы, где я решил заночевать, с тем чтобы рано утром снова отправиться в дорогу. Однако обстоятельства внесли в мою «задумку» существенную корректировку, заставив забыть об отдыхе.

При подходе к первым черневчинским хатам меня потрясло увиденное: пять женщин, перекинув через плечи кто обтрепанную веревку, кто старенькие вожжи, натужно тянули однолемеховый плуг. Шестая правила «орало», шагая по борозде... Меня – крестьянского сына – словно кипятком обдали. Я подал колонне команду остановиться и, спрыгнув с головного танка на дорогу, быстро зашагал к «пахарям». План дальнейших действий созрел мгновенно. Женщины остановились, стали смотреть в мою сторону, вытирая обильный пот на лицах. Поздоровался, услышав в ответ традиционное украинское: «Здоровеньки будьте!» Едва переведя дыхание, я выпалил: «Кончайте надрываться! Мы вам вспашем огороды! Где председатель колхоза?» Молодуха-«коренник»: «Бабоньки, видпочивайте. Я – зараз». И повела меня к хате, что стояла на противоположной стороне улицы: «Ганна Ивановна – наш голова колгоспу – дома хвора...» Я взял с собой командиров танков, объявив им свое решение вспахать «Шерманами» огороды.

Ганна Ивановна с огромной радостью приняла наше предложение. Осталось решить только вопрос, где взять плуги. Оказалось, что в колхозе есть только два пригодных к работе. «Надо по дворам кинуть клич, думаю, найдется несколько штук, – сказала председатель колхоза. – Вы не представляете, какую огромную помощь вы окажете нашему сплошь бабьему селу. Мужиков у нас нет – кого немец угнал в неволю, кто на фронт ушел».

Нас волновал и другой, не менее важный вопрос, как прицеплять плуги к танкам. Председатель глянула на моего проводника: «Оксана кое-что умеет ковать». – «Отец трохи навчив, – застенчиво поведала дочь кузнеца. – Кузня, к жалю, давно не робыла».

Ганна Ивановна обратилась ко мне с просьбой: «Помогите, пожалуйста, развести огонь в кузнечном горне. Оксана покажет, как это делается. Руки у нее мужские, умелые», – с гордостью закончила председатель колхоза.

...Пролетел почти час наших переговоров. Весть о помощи, обещанной танкистами, разнеслась по селу с быстротой молнии. Забегали, захлопотали крестьяне. Отыскивали еще два плуга. Можно приступать к изготовлению прицепных устройств...

Центром жизни черневчан весь вечер и почти всю ночь стала кузница... Все «эмчисты» ушли на «трудовой фронт», оставив у танков только небольшую охрану. Сначала жгли огромный костер – готовили древесный уголь для кузнечного горна; потом притащили танковые буксирные тросы, с тем чтобы их приладить к плугам. А вскоре послышался ритмичный стук кузнечного молотка. Началась поковка. В руке Оксана держала небольшой молоток на длинной ручке; им она проворно указывала, куда ударять «молотобойцу» – старшему сержанту Геннадию Капранову.

Раскаленные докрасна полосы металла на глазах превращались в незатейливые «детали» и «детальки» будущих прицепных устройств... Сменялись молотобойцы, Оксана по-прежнему стояла у наковальни... К рассвету нехитрые «прицепки» были готовы. А в это время хозяйки из своих скудных запасов варили, жарили, пекли – готовили фронтовикам завтрак. Хотя и не богатый, зато от всей души.

...Три часа крепкого сна, и вся «танковая полевая бригада» была на ногах. Та же неутомимая Оксана повела нас в полуразрушенное здание школы, где были накрыты для завтрака (завтрака) столы... Съели яичницу с салом, блины со шкварками, запили все это узваром (компотом) и, поблагодарив стряпух за вкусные блюда, отправились пахать.

Поплыл над Черневцами рокот танковых дизелей. Один «Шерман» за правосторонними домами, другой – за левосторонними пошли «в атаку на огороды». Механики-водители с большой осторожностью тронулись с места, волнуясь, выдержат ли нагрузку самодельные прицепные приспособления? К тому же надо дать время и «плугатарям» освоиться с нелегким навыком управления плугом. Ведь стоит чуть замешкаться, и лемех уже скользит по поверхности земли, соскребая только траву... С каждым метром движения вперед увереннее вели машины механики-водители, становились тверже шаги идущих за плутами.

Необычная картина вспашки огородов танками привлекла внимание сельчан: вездесущие ребятишки, белые как лунь старики, согбенные старухи, несколько молодых высыпаив на задворки, молча наблюдали за происходящим.

К середине дня была проложена последняя борозда. Заглохли танковые моторы – над Черневцами снова воцарилась тишина. Лишь возле школы слышались радостные голоса женщин, готовивших большой праздничный обед танкистам, какого не было на этой истерзанной войной земле более трех лет.

Я приказал готовить танки к дальнейшему маршу. Залить в баки последние запасы дизельного топлива, проверить ходовую часть «Шерманов».

Сильно хромая (неделю назад вывихнула ногу), ко мне подошла Ганна Ивановна. Крепко обняла, расцеловала: «Вам трудно представить, какую радость вы нам подарили! Расправились плечи у односельчан, в один день они освободились от давившей их беды. Огромное-преогромное вам спасибо, дорогие наши воины!» Пожала руки, поцеловала каждого танкиста и пригласила всех нас и колхозников к столу. Закрыв люки «Эмча», экипажи направились к школе...

Много разных обедов было на длинной фронтовой дороге, но этот запомнился на всю жизнь. Не блюдами, не крепостью и количеством «сугревного», а атмосферой застолья и особенно слезами...

Прошло более года, как я в действующей армии... Смоленщина, Белоруссия – везде я видел безбрежное горе, полностью сожженные города и села. А тут, в украинском селе, нам пришлось впервые за войну увидеть светлые, легкие слезы женщин, благодаривших нас за «добре дило».

«Шермана» уходили на запад. За околицей собрались и стар и мал, провожая неожиданно-негаданно явившихся «пахарей» в дальнюю фронтową дорогу, тайком осеняя крестным знаменіем... Геннадий Капранов и еще несколько парней обещали приехать в это село после Победы. Видать, приглянулись им чернобровые хохлушки... Не сбылась их заветная мечта. Остались они лежать в братских и одиночных могилах в городах и весях, на полях Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Мир их праху!..

Прими, земля!

Коль уж заговорил я о павших, то скажу и о том, как обходились со своими и чужими убитыми.

Я не помню, чтобы в стенах Саратовского танкового училища, да и в ходе дальнейшей армейской службы поднимался вопрос о подробностях, ритуале погребения павших на ратном поле. В уставах того времени были до предела короткие слова: «Специально выделенные команды хоронят погибших». Как? Где? Ни слова... По-христиански умершего предают земле на третий день после кончины. А где эти дни взять, когда ежедневно идут бои?

На фронте продолжительность этого печального ритуала и его содержание зависели от времени, каким располагали живые – однополчане сраженного в бою. Иногда хоронили дружей наспех и шли дальше. Было время – по-иному поступали.

Всю войну мы, танкисты, хоронили своих товарищей сами. Никаким «похоронным командам» не передавали. Если эта трагедия приключалась в подвижных формах боя – павшего предавали земле подразделения обеспечения батальона или бригады. А вообще старались, пусть второпях, своего собрата по экипажу, взводу и роте положить в землю собственными руками.

Хоронили, как правило, недалеко от места гибели. Если близко был населенный пункт – на его кладбище или на площади; в зарубежных странах – в оградах костелов. Если смерть настигала воина в чистом поле, то выбирали высоту или опушку леса или рощи. Чтобы можно было «привязать» топографически место захоронения к ориентиру. Штаб батальона обязательно составлял карточку места погребения, в которой описывалось место нахождения могилы.

В других случаях поступали иначе. Скажем, во время отражения ударов противника с целью деблокирования окруженной Корсунь-Шевченковской группировки в феврале 1944 года и танкисты, и пехота понесли значительные потери. В этой обстановке убитых хоронили в братских могилах. Место такого массового погребения выбирали у дороги, на высотке. Часть, назначенная ответственной за этот ритуал, также составляла карточку этого захоронения. В ней указывалось: место нахождения могилы; в каком ряду кто положен с указанием звания, фамилии, имени и отчества.

Бывали случаи, когда место своей могилы указывал сам смертельно раненный, последнюю волю которого старались исполнить.

В мае 1945 года, когда танковые армии с севера и юга устремились к восставшей чехословацкой столице, передовой отряд одной из частей ни то 3-й, ни то 4-й гвардейских танковых армий прорвался в центр Праги, завязав тяжелый бой. Танкисты, несмотря ни на что, отбивали у врага квартал за кварталом, помогая пражанам. Танкодесантник Беляков был тяжело ранен в живот. Его перенесли в маленький госпиталь восставших, что помещался в монастыре. Чехословацкие врачи пытались спасти советского солдата, но он был обречен. В монастыре на небольшой башенке находились куранты. И когда они мелодично отбивали определенный час, прислушиваясь к их голосу, солдат прекращал стонать, лицо его чуть светлело. А вскоре, когда ему стало очень плохо и заиграли часы, он попросил чешских врачей: «Когда я умру, похороните меня недалеко отсюда, чтобы я всегда слышал этот прекрасный бой». Это были его последние слова. Ночью он скончался... Пражане выполнили просьбу тяжело раненого воина. Его похоронили в скромном скверике в нескольких десятках шагов от монастырской ограды. И поставили незамысловатый памятник на могиле.

В чем провожали своего боевого товарища в последний путь? Чаще всего в той одежде, в которой он встретил свою смерть. Если было время, переодевали в чистое белье и обмундирование. Гроба не было. Танкисты заворачивали тело в кусок танкового брезента, а пехо-

тинцы, как правило, в шинель. Дно могилы выстилали либо соломой, либо сосновыми ветвями, что было под руками. И осторожно опускали тело в вырытую яму, строго сориентированную с запада на восток. Под ружейные, а то и пушечные залпы засыпали землей. Устанавливали нехитрую пирамидку со звездочкой. Тут же, у свежей могилы устраивали короткие поминки – по сто «наркомовских» граммов. И снова в бой...

И только дважды: в январе 1944 года и почти ровно через год, когда хоронили своих командиров батальонов капитана Николая Маслюкова и гвардии капитана Ивана Якушкина, были сколочены для них гробы...

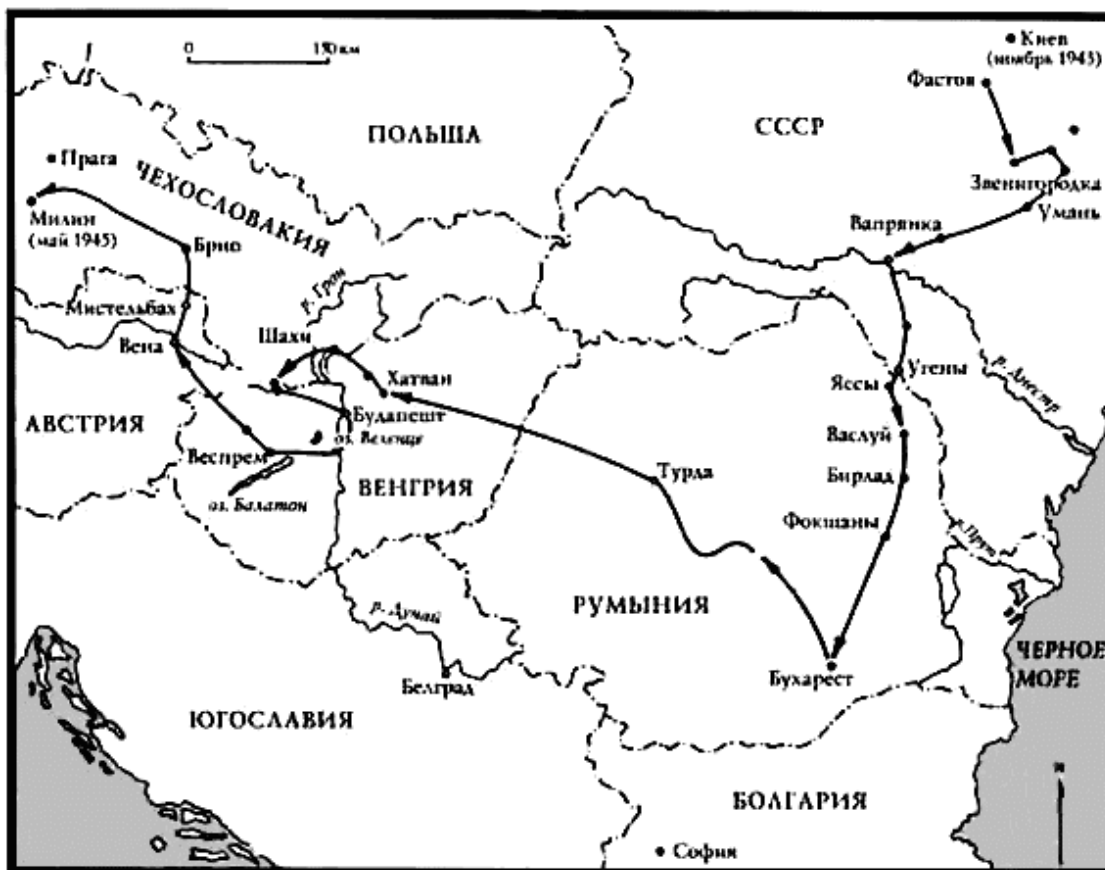
Что касается солдат и офицеров противника, то пока фашистские войска наступали на восток, они своих погибших хоронили на кладбищах. Когда мы погнали их на запад, то неприятная, но необходимая обязанность захоронения солдат врага возлагалась на «похоронные команды». В танковых соединениях и объединениях таких временных подразделений не было. Они, как правило, создавались в масштабе фронта. Зачастую в местах прошедших ожесточенных боев (к примеру, под Корсунь-Шевченковским, на Украине) для усиления названных команд привлекалось местное население...

Если для предания земле павших советских воинов выбирались, как сказано выше, кладбища, площади в населенных пунктах, а в поле – высоты, то врагов зарывали на бросовых, непригодных для дальнейшего использования землях. Никаких документов на эти места не составлялось. Может, кто-то сейчас и скажет, что мы тогда в этом вопросе поступали по-варварски. Но в то время и мертвый враг – оставался врагом. И к нему было соответствующее отношение...

Расплата

В последних числах марта сорок четвертого года мотопехотные и танковые части 5-го механизированного корпуса форсировали реку Прут и овладели плацдармом на его правом берегу. Линия фронта стабилизировалась. Нам, танкистам 233-й бригады, пришлось около двух недель вместе с пехотой удерживать занимаемые позиции, пока не подошли свежие резервы...

Хотя бригада к моменту выхода на советско-румынскую границу имела значительный некомплект танков, ей была поставлена задача оборонять участок правее шоссе, идущего на город Яссы. Нашим подразделениям противостояло до батальона пехоты противника, усиленного несколькими танками «Тигр», укрепившимися на господствовавших холмах. Линия фронта проходила строго с севера на юг, и яркое весеннее солнце в первой половине дня слепило противника, а во второй половине – нас. Обе стороны расположили свои боевые машины почти на переднем крае, существенно усилив противотанковую оборону пехоты. И мы, и гитлеровцы хорошо оборудовали свои позиции, вкопав танки так, что над землей виднелись только «макушки» башен. Надо сказать, что на тяжелые немецкие танки на лобовую часть корпуса и по всей окружности башни навешивались траки гусеницы. Это усиливало и без того мощную броневую защиту «Тигров» и «Пантер», а также способствовало ricochetированию бронепробивных снарядов, попадавших в этот «неустойчивый надбой».

Бой в районе Ясс

На западных скатах одной из высот находилась огневая позиция «Тигра». Отсюда его экипаж хорошо просматривал наше расположение почти до реки Прут. Прекрасная наблю-

дательная и прицельная оптика танка в сочетании с мощной 88-мм пушкой позволяла гитлеровцам вести точный огонь по любой цели – большой или малой. Примерно с 13 часов, когда солнце переставало слепить вражеских танкистов, все, что появлялось на дороге, немедленно уничтожалось. «Бешеный фриц», как его окрестили наши солдаты, не жалел осколочных снарядов.

Мы не могли ответить противнику подобными действиями, поскольку его оборона из-за всхолмленности открывалась нашему взору на небольшую глубину; к тому же приходилось беречь снаряды – их подвоз еще не был налажен должным образом. А так хотелось расплатиться! Наше терпение лопнуло, когда в течение двух дней горячий обед доставлялся несвоевременно, поскольку две кухни были разбиты, и пришлось еду на передний край носить в термосах.

Командир орудия сержант Анатолий Ромашкин, один из самых метких стрелков батальона, наконец получил разрешение выпустить два бронебойных снаряда. С точностью, наверное, до сантиметра определил расстояние до «Тигра» – 650 метров. Постоянно велось и наблюдение за поведением неприятельского экипажа. Расплата была подготовлена и осуществлена следующим образом. Ромашкин попросил пехотного командира выделить ему в помощники снайпера, с которым они выбрали позицию рядом с танком. С нее просматривалась вся башня «Тигра». Анатолий предложил снайперу – младшему сержанту Юрию Прохорову – огонь вести бронебойным патроном, в котором был более сильный пороховой заряд: «Мне, возможно, придется израсходовать оба отпущенных снаряда. Ты же, когда экипаж вылезет из люков, должен поразить цель с первого выстрела».

В течение двух дней, с рассвета и до 13 часов пока солнце не начинало слепить глаза, Анатолий и Юрий выслеживали «Тигра» – все безрезультатно. Мы, не зная причины отсрочки намеченной расплаты, торопили Ромашкина. Он отмалчивался. Суть «задумки» командира орудия состояла в следующем. Он терпеливо ждал, когда пушка «Тигра» будет хотя бы на пять-десять градусов повернута в сторону, подставив под выстрел «Шермана» ствольные бока. А она все это время смотрела на нас своим грозным дульным тормозом. При такой малой площади вероятность поражения «восьмидесятивосьмерки» близка к нулю...

Начался отсчет третьих суток. Рассеялся легкий утренний туман. Анатолий припал к прицелу: «Наконец-то!» Он тут же подал условный сигнал Юрию: «Изготовиться к стрельбе!» Секунда... вторая... пятая. «Тигр» медленно поворачивает башню, ловя в прицел какую-то цель, пока лучи поднимающегося солнца не ударили глаза... Первый выстрел «Эмча», но снаряд, угодив в маску башни, ушел вправо вверх, светя трассером. Еще выстрел – точное попадание! Почти половина ствола «Тигра», подобно перерубленному бревну, отлетела в сторону. Тут же открылся люк командирской башенки; командир вражеского танка высунулся из нее почти до пояса. Снайпер нажал на спусковой крючок, гитлеровец дернулся и повалился ничком на крышу башни. «Ура-а!» – пронеслось над нашими окопами.

С наступлением темноты укрощенный «Тигр» уполз в глубину своего расположения. С этого дня позицию на высоте никто не занимал. Дорога теперь «работала» и в светлое время, иногда все же подвергаясь артиллерийским налетам да редким ударам авиации.

«Секрет фирм»

Большинство боевой техники, поставлявшейся в СССР по ленд-лизу, шло в страну морскими караванами, которые разгружались в портах Мурманска или Архангельска, откуда ее по железной дороге перевозили в места назначения. Получаемые нами «Шермана» были тщательно оклеены плотной темной, пропитанной влагостойким составом бумагой, отсутствовавшей только на люке механика-водителя – ее уже удалили для доступа в отделение управления, так как от порта до станции погрузки на платформы танки шли своим ходом.

На очистку «Эмча» от этой «одежды» уходило почти два дня. Надо отдать должное американской стороне: машины к дальней морской перевозке готовились превосходно. За время пребывания на фронте мне пришлось пять раз получать новые танки «Шерман», и всегда, проводя их расконсервацию, внутри не находил и капельки влаги. А ведь морем они шли не день и не два...

Так вот в конце марта сорок четвертого года 233-я танковая бригада была выведена на пополнение техникой и личным составом. Поступившую партию «Эмча» мы получали 8 апреля на станции Бельцы. Перегнали их ночью в деревню Скуляны, где располагались первый и второй батальоны бригады, а на следующий день приступили к удалению «обертки» танков. С утра в бригаду приехал Миша (напомню читателю: представитель американских фирм при штабе корпуса). Несколько минут молча понаблюдал, как экипажи стараются снять эту «черную рубашку» «Шерманов», не повредив окраску корпуса и башни. Поскольку нам это удавалось, Миша был доволен результатами нашего нелегкого труда... Затем он поинтересовался: целы ли в танках небольшие продуктовые подарки от рабочих фирм? Оказалось, что и на этот раз они где-то затерялись на длинном пути от порта разгрузки до экипажей. Миша очень огорчился. Таким мы его видели тогда, на Украине, когда «Эмча» скользили на обледенелой дороге под Фастовом...

При расконсервации «Шермана» много, можно сказать, ювелирного труда требовалось от командира орудия. Пушка и спаренный с пушкой и курсовой пулемет были обильно покрыты густой смазкой. Ствол орудия с дульной и казенной части были залиты пушечным салом. Для удаления этих 25–30 сантиметровых пробок требовались немалые усилия.

«Операция» по приведению «длинного ствола» в рабочее состояние начиналась обычно с простой процедуры снятия смазки с его поверхности. Другое дело очистка канала ствола от пушечного сала. Для извлечения торцевой пробки изготавливались деревянные лопатки, а то и просто палкой по частям вынималась дульная заливка. Казенная сальная втулка вышибалась в боевое отделение танка банником, который приходилось толкать двум, а то и трем членам экипажа. Так делали начиная с первого поступления в бригаду «американцев».

Работы шли своим чередом. На одном из «Шерманов» роты Якушкина очистка ствола пушки подходила к концу, когда неожиданно произошло настоящее чрезвычайное происшествие – вместе с двумя вытолкнутыми пробками казенника на пол боевого отделения упала и разбилась бутылка виски, высыпались полиэтиленовые пакеты. Вот это сюрприз! Командир танка Виктор Акулов чуть не заплакал, увидев такую потерю. Через секунду с конца в конец улицы разнеслось тревожно-радостное: «Стой! Стой! Прекратить чистку пушек!»

В роте была разработана методика удаления пушечного вложения. После выемки дульной сальной пробки полубанником аккуратно разрушалась средняя «перегородка», затем пушка осторожно опускалась вниз, так чтобы подарки аккуратно вывалились из дульной части орудия прямо на подставленную заранее плащ-накидку или брезент. Молодцы американцы! Хитро упаковали подарки так, чтобы не гуляли по канату ствола и сохранились в целости. Этот секрет мы берегли до конца войны. На второй день в батальон примчался

сияющий от радости Миша: «Фирмы хороши! Я давно сообщать о неполучении танкисты подарки. Фирмы нашли куда надежно прятать презенты!»

Объятия маршала

Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, будучи министром обороны СССР, приказал всем Главкомам родами войск Вооруженных Сил периодически читать лекции и выступать с докладами перед профессорско-преподавательским составом военных академий. В них они рассказывали о новых образцах вооружения и боевой техники, проблемах тактики и оперативного искусства, об использовании богатого опыта Великой Отечественной войны в условиях применения ядерного оружия. Такая практика позволяла поддерживать постоянный контакт между высшим руководством Советской Армии и учебными заведениями, а в последних обучать слушателей, разрабатывать научные труды и учебники на высоком современном уровне...

В конце октября 1960 года Родион Яковлевич, сам бывший старший преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе, решил выступить в ее родных стенах. Первое выступление министра обороны было посвящено подробному разбору подготовки и ведения Яссо-Кишиневской наступательной операции.

Июль месяц 1944 года. Идет накопление войск, интенсивный подвоз материальных средств, необходимых для предстоящего наступления. Все это делалось в темное время суток, со строгим соблюдением всех мер маскировки.

Плацдарм на правом берегу реки Прут в районе северо-восточнее города Яссы имел небольшую глубину. Однако именно с него планировалось нанесение главного удара.

Оставалось несколько недель до начала наступления, когда в конце июля немецко-румынское военное руководство предприняло попытку ликвидировать этот плацдарм, для чего на узком участке фронта в северо-восточном направлении был нанесен сильный удар из района Ясс. На обороняемых позициях находились в основном советские стрелковые части и соединения, усиленные артиллерией и противотанковыми средствами. Танков, ни на переднем крае, ни в ближайшей глубине, они не имели. К тому же, как я уже говорил, местность в расположении противника господствовала над нашим районом, который просматривался вплоть до водной преграды и даже за нею, что позволило ему скрытно сосредоточить мощную группировку.

В июне-июле в Молдавии стояла сухая, жаркая погода. Земля высохла и потрескалась, а на вспаханных еще весной полях и в виноградниках она превратилась в сыпучую подобно песку массу. Я особо подчеркиваю это, ибо последнее сыграло злую шутку с нашими танками, введенными для отражения наступления противника...

Бои сразу же приняли исключительно ожесточенный характер. Наступающему в первый же день удалось прорвать первую линию нашей обороны, что привело к реальной угрозе потери плацдарма. Сложившаяся ситуация требовала введения в действие резервов и в первую очередь танков для нанесения сильных контрударов. Ближе всего к району развернувшихся боев находились части 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии. И, в частности, его 233-я танковая бригада, которая расположилась в 12 км от переднего края – в деревне Скуляны.

Как сообщил аудитории маршал Малиновский, он в тот же день доложил обстановку Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину и попросил у него разрешения использовать часть танков из резерва, предназначенного для августовского наступления. Без их участия, утверждал командующий фронтом, восстановить первоначальное положение будет очень сложно. Сталин не позволил брать для этой цели ни одного танка, приказав решить эту сложную задачу силами обороняющихся войск с применением массированного огня артиллерии и ударов авиации. Далее министр обороны сообщил, что, как ни было тяжело, советские войска не только удержали позиции в глубине своего расположения, но и сумели отбить

ранее захваченные районы на переднем крае. А на направлении вдоль шоссе на Яссы даже вклинить в оборону неприятеля, нанеся значительный урон наступающим.

О том, что вражеское командование было уверено в успехе операции, говорили следующие факты. По показаниям пленных, за два дня до нанесения удара на фронт под Яссы приезжала мама Елена – королева Румынии, благословившая войска на победу. Кроме того, на участках обороны противника, захваченных нашими контратакующими частями, были обнаружены накрытые столы, заставленные винами и всякими закусками. Немцы и румыны не сомневались, что они скоро сядут за них. Но праздник не состоялся!..

В перерыве я подошел к маршалу Р.Я. Малиновскому. Попросил у него разрешения выяснить один вопрос

– Я вас слушаю, – ответил маршал.

– Товарищ министр обороны, вы сказали, что Сталин запретил использовать танки для восстановления положения на правобережье Прута. Я из 233-й танковой бригады 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии. По вашему приказу ее подразделения 1 августа участвовали в нанесении контрудара. Выполнив задачу, бригада была отведена за реку Прут. В прежний район сосредоточения.

Родион Яковлевич, как мне показалось, несколько смутился. Но в ту же минуту он наклонился ко мне, обнял за плечи и шепнул на ухо:

– Молчи, полковник!

– Есть!

Конечно, маршал не ожидал, что в аудитории найдется участник июльско-августовских событий сорок пятого года, произошедших в канун Яссо-Кишенивской операции.

Мои коллеги преподаватели, находящиеся в актовом зале, видели, как меня обнял Родион Яковлевич.

– Что это тебя обнимал министр обороны?

– А мне в годы войны посчастливилось воевать под его началом. На 2-м Украинском фронте. Вот мы накоротке и вспомнили те дни!..

А на самом деле тогда произошло вот что. К исходу 31 июля обстановка еще более обострилась. Противник на левом фланге вышел на ближние подступы к монастырю, а точнее сказать, к остаткам обители, которая была разбита артиллерийским огнем и бомбежками авиации. Нависла опасность перехвата шоссе, идущего на Яссы. Утром следующего дня первый и второй батальоны 233-й танковой бригады были подняты по тревоге (третий остался в Скулянах) и форсированным маршем направлены на исходные позиции, находившиеся примерно в километре от переднего края, в лесу, что восточнее монастырской гряды кирпича.

Я в это время занимал должность начальника штаба первого батальона. Нам пришлось ряд вопросов решать буквально по-пожарному... К примеру, обеспечивать офицеров фотографическими картами предстоящего района боевых действий, которые мне на бегу вручили в штабе бригады. Оседлав мотоцикл, я догнал на марше свою колонну и в ходе движения раздал фотокарты командирам всех танков...

Через час после подъема по тревоге подразделения вышли на назначенные позиции. Правда, мы несколько подзадержались, преодолевая реку Прут по наплавному мосту, попав под бомбежку. Однако зенитное прикрытие моста, сбив два самолета, разогнало бомбардировщики.

Нас на исходных позициях уже ждал командир бригады гвардии майор Иван Сазонов, поставивший задачу на контратаку по карте. Второму батальону предстояло действовать вдоль дороги, первому – левее. На организацию боя отводилось всего сорок минут, а ведь требовалось хотя бы накоротке провести рекогносцировку местности и противника; довести задачу до каждого экипажа; вывести «Шермана» на исходный рубеж для контратаки.

«Временной голод» вынудил командиров батальонов пойти на явное нарушение установившегося порядка организации такого вида действий. «Классическая» схема рекогносцировки, которая всегда проводилась небольшими группами (комбат с двумя ротными; затем последние – с тремя взводными, переодетыми в форму обороняющихся войск, с надежной непосредственной охраной места нахождения командиров), здесь была неприменима.

Комбат-1 повел офицеров на рекогносцировку «ватагой», взяв не только командиров рот, но и командиров взводов. Всего десять человек.

Офицерский «гурт» вышел на юго-западную опушку леса рядом с руинами монастыря. Танкисты вскинули к глазам бинокли, изучая местность по обе стороны линии соприкосновения. Направление предстоящей атаки не радовало – «Шерманам» предстояло контратаковать противника снизу вверх. Хорошо, что солнце в это время будет находиться несколько сзади и слева, ослепляя немцев и помогая нам. Работали на виду у противника, прекрасно понимая, что рискуют. Старались поскорее решить необходимые вопросы и сразу же уйти. Не успели... Первый минометный залп хоть и лег впереди группы, но осколками мин были легко ранены два человека. Офицеры, выполняя команду, кинулись в глубь леса. Однако повторный залп оказался точнее – погибло трое и один был тяжело ранен. Печальный итог плохой организации боя. Двое раненых изъявили желание остаться в строю, а четверых надо было заменять.

Рекогносцировочная группа вернулась в свое расположение, принесла раненого и убитых. На место выбывших офицеров командир батальона сразу же назначил командиров машин, командиров рот и своего танка, а на четвертую был посажен мой заместитель – адъютант штаба.

Срок, отведенный для подготовки контратаки, близился к концу. Через несколько минут должен был начаться огневой налет, за время которого подразделения батальона обязаны были выйти на исходный рубеж и развернуться в боевой порядок.

Комбат – капитан Коган – приказал собрать у своего танка офицеров всех рот. И лично поставил по карте задачу: «На местность поглядим с исходного рубежа. Возможно, кое-что уточню по радио», – закончил он...

За все время пребывания на фронте – ни до этого дня, ни после – мне не приходилось видеть такой поспешной неполной и неглубокой организации одного из важнейших мероприятий активной обороны – контратаки. Мы, ее исполнители, не были знакомы ни с местностью, ни с противником. Бой в таких условиях всегда сопровождается большими потерями и редко заканчивается удачно. И в этом случае мы ощутили это на своей шкуре в полной мере.

В 10 часов «заговорили» пушки на переднем крае, из глубины обороны и из-за Прута, «Шермана» двинулись вперед. Первый батальон от шоссе повернул влево, второй – несколько вправо. Впереди лежащая всхолмленная местность разделила танкистов подразделений. Они вынуждены были действовать на самостоятельных направлениях, без огневой связи друг с другом.

Подразделения вышли на исходный рубеж; а с него, через полчаса, по завершении огневого налета, оба батальона перешли в контратаку.

Подчиненные Когана ударили по левому флангу противника, вклинившегося в нашу оборону на юго-западных подступах к монастырю. Наступление велось вдоль по склону плоскогорья, что уходило на юг. Невыгодное направление, поскольку танки вынуждены подставить правый борт под вражеские противотанковые средства, расположенные на возвышенности; а подразделения лишались возможности широкого фронтального маневрирования из-за необходимости движения вдоль линий своих и чужих траншей. Это последнее обстоятельство таило в себе огромную опасность – «Шермана» могли в любой момент засечь в фортификационных сооружениях обороны той или другой стороны, которых с

марта текущего года было возведено ох как много. Все вышеперечисленные обстоятельства сильно повлияли на темп продвижения подразделений батальона, который оказался невысоким. А танки, идущие по полю боя на пониженных скоростях, без маневра по фронту, – удобные цели для противотанковых средств и полевой артиллерии противника.

Тем не менее контратакующие танки первого батальона и приданные ему десантники совместно с обороняющей пехотой смяли первую линию наступающих подразделений фашистов. Артиллеристы «поработали» неплохо. В районе южнее монастыря горело и неподвижно застыло семь вражеских танков. Около десятка отошли назад, скрывшись за складками местности. В целом противник еще не успел оправиться от двадцатипятиминутного огневого налета.

На направлении действий второго танкового батальона обстановка складывалась тоже в нашу пользу. Подразделения уверенно развивали первоначально достигнутый успех. «Шермана» капитана Александра Когана медленно, но уверенно продвигались в глубину вражеского расположения, ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов. Танковые снаряды образовывали впереди боевого порядка рот своего рода подвижную завесу из густой пыли, поднимавшейся от их разрывов в сухой земле и подолгу висевшей в воздухе, которая затрудняла немцам и румынам вести прицельный огонь танкам. Однако немецко-румынские командиры быстро сориентировались в сложившейся ситуации. Хорошо организованная система наблюдения, особенно наблюдательные посты на флангах участка контратаки, позволила грамотно корректировать огонь артиллерии. Буквально через считанные минуты снаряды дальнобойных орудий калибра не менее 150-мм подняли фонтаны взрывов на линии контратакующих танков. Поскольку местность не позволяла танкам рассредоточиться, нависла вполне реальная угроза уничтожения двух «Шерманов» одним снарядом.

Была подана команда на срочное рассредоточение. Подразделения начали маневрировать, увеличивая интервалы. Но в дыму и пыли, как во тьме, ничего не видно! И две машины завалились в траншеи. Попытки самостоятельно выбраться из западни привели только к тому, что они еще глубже зарывались в рыхлую, сухую землю бывших виноградников. Я и заместитель командира батальона по технической части старший лейтенант Александр Дубицкий на танковом тягаче кинулись на помощь. Подскочив к первому «Шерману», быстро подали буксирный трос. Дубицкий помчался ко второму завалившемуся танку – готовить его к освобождению из траншеи, пока тягач был занят вытаскиванием первого танка.

В это время в небе появилась «рама». Застрявшие машины и тягач тут же были накрыты артиллерийским огнем. Ранен помощник механика-водителя... К счастью, наши истребители, вовремя появившиеся над полем боя, сбили немецкого корректировщика. Мне в этой ситуации крупно повезло. Я находился по левому борту неподвижного «Шермана», когда в рыхлую насыпку бруствера траншеи всего в шаге от меня упал тяжелый снаряд. Он ушел в грунт и там разорвался. Произошел камуфлетный взрыв. Сильный удар между лопаток свалил меня с ног. Когда я с трудом поднялся, осмотрелся, отряхнулся, то увидел лежащий у моих ног внушительного размера ком глины. Он-то и нокаутировал меня, хорошо, что не осколок...

Тягач, ревя мотором, вытащил «неудачника». Отцепили трос и направились к следующему танку. Дубицкий замахал руками, дав понять, что второй танк буксировать не надо, поскольку у него огнем противника была разбита подвеска.

Спешим за ушедшими вперед подразделениями, которые спустились в обширную балку и огнем с места уничтожали вражеский опорный пункт, с пятью или шестью противотанковыми пушками. Картина поля боя не радовала: три «Шермана» увязли в ходах сообщения и окопах, два – объаты огнем. Остальные машины батальона пытались осуществить маневр влево по балке, обтекая узел сопротивления, под прикрытием дымовой завесы, созданной выброшенными танкистами шашками. Да вот только безветренная погода

позволила облаку растечься по низменности, и оно закрыло не только танки, но и противника, ухудшив условия стрельбы для обеих сторон. Неприятельский огонь несколько ослаб. Воспользовавшись некоторым облегчением обстановки, Дубицкий на тягаче мотался между застрявшими танками, вызволяя их из беды и ставя в строй атакующих. Опасная, но необходимая работа «технарей» батальона... Передовые артиллерийские наблюдатели, идущие за батальоном, передали координаты огневых средств противника, и вскоре взрывы накрыли их позиции.

Контратакующие танки вышли к бывшему переднему краю неприятельской обороны. Темп их продвижения сразу упал, а временами подразделения и совсем останавливались, ведя пушечную дуэль с врагом. Первоначальное преимущество контратаки – сильный удар двадцати одного танка на узком участке по еще не закрепившемуся на захваченных рубежах противнику – исчерпало себя. К тому же обход узла сопротивления фашистов не удался и «Шермана» остановились. Наступил критический момент боя, когда продвижения вперед нет; а наш неподвижный боевой порядок остался на открытой местности. Противник, воспользовавшийся нашим замешательством, точно накрыл боевые порядки танков. Разрывы... разрывы! Два точных попадания – экипажи выскочили из машин. В это время восьмерка штурмовиков появилась из-за Прута. Отбомбившись по артиллерийским позициям немцев, они замкнули круг и принялись «утюжить» их РСами и пушечно-пулеметным огнем. «Илы» сделали еще заход, теперь подавляя гитлеровцев перед фронтом правого соседа.

После двухчасового боя поступил приказ танкам, ведя огонь, отходить на исходный рубеж! В этом бою первый батальон потерял пять танков, из них два сгоревшими, а второй – четыре сгоревшими...

Прежний передний край обороны войск был восстановлен. Оставшиеся «Шермана» 233-й танковой бригады убыли в Скуляны – в район сосредоточения.

Все танковые командиры были крайне недовольны результатами недавнего боя, сомкнутостью его подготовки, действиями на местности с ограниченными возможностями для маневрирования по фронту. «Нас засунули в бутылку», – говорили танкисты.

Вот о каких событиях промолчал министр обороны во время своего выступления в Военной академии имени М.В. Фрунзе. И мне приказал не распространяться...

К тому запрету И.В. Сталина на использование танков для отражения попыток противника ликвидировать плацдарм за рекой Прут уместно будет привести еще один разговор Р.Я. Малиновского с Верховным.

Р.Я. Малиновский, только что принявший командование 2-м Украинским фронтом, разбирался со сложившейся обстановкой в подчиненных ему войсках. По сильно растянутым соединениям 52-й армии неприятель систематически наносил чувствительные удары. Держаться было трудно. Командарм К.А. Коротеев просил подбросить ему в помощь одну-две дивизии. Родион Яковлевич склонен был помочь 52-й армии резервами. Такого же мнения придерживался и начальник штаба фронта генерал М.В. Захаров и другие члены Военного совета. Малиновский решил посоветоваться с Верховным Главнокомандующим. Доложил ситуацию. Тот внимательно выслушал и спросил:

– Что вы, товарищ Малиновский, намереваетесь предпринять?

– Немцы надоели контратаками.

– Это я уже слышал.

– Неуверенное положение 52-й армии внушает опасение за потерю высот, поэтому я намереваюсь ввести в бой две дивизии из фронтового резерва и отбить охоту у противника на высоты.

Сталин сделал затяжную паузу и сказал:

– А я вам не рекомендую этим заниматься.

– Почему? Ведь у нас много резервов.

– Вот именно потому, что у вас много резервов, я и не рекомендую. Знаете, сегодня вы введете в бой одну или две дивизии, завтра противник тоже добавит дивизии на этом направлении. Потом вы еще подбросите, коль так много резервов, и завяжутся тяжелые и упорные бои, а это не в наших интересах. Так что я вам не советую и не разрешаю вводить резервы фронта.

– Все понял, товарищ Сталин.

– Учтите, что мы сейчас будем забирать у вас войска на новое направление, где готовим наступление.

Этот разговор состоялся 29 мая 1944 года... (ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 2, л. 324).

Если первый раз командующий 2-м Украинским фронтом беспрекословно выполнил приказ Верховного Главнокомандующего, то во втором случае – он ослушался «самого». Не много находилось в то время смельчаков, способных на такой поступок...

Надо отдать должное, Родион Яковлевич принял самые срочные меры по восстановлению боеспособности 233-й танковой бригады. К 20 августа – началу Яссо-Кишиневской операции – ее подразделения имели полный штатный состав танков «Шерман».

«Коктейль» для «Шерманов»

С 20 по 29 августа сорок четвертого года части 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии в составе войск 2-го Украинского фронта участвовали в Яссо-Кишиневской наступательной операции. За это время танкисты преодолели расстояние в 350 километров, покрывая от 35 до 75 километров в сутки. Отрыв танковых частей от общевойсковых соединений нередко достигал 60–80 километров...

В столь стремительных и напряженных боях танки «Шерман» подверглись таким тяжелым испытаниям, которые сложно смоделировать на самом строгом испытательном полигоне. Вдвойне тяжелее было их экипажам, но они не согнулись, выдюжили!

233-я танковая бригада совместно с другими частями корпуса была введена в бой во второй половине дня 20 августа. К исходу дня мы вышли к третьей полосе обороны противника, проходившей по хребту Маре, бой за который продолжался всю ночь. С утра следующего дня подразделения бригады начали продвижение в направлении Васлуй и далее на Бырлад, а в это время в тылу наступающих соединений складывалась довольно непростая ситуация. Часть немецко-фашистской группировки, окруженной северо-восточнее Куши, вырвалась из «котла» и, продвигаясь в юго-западном направлении, перерезала дороги, ведущие к линии фронта, уничтожив несколько наших тыловых учреждений и штабов.

До нас дошли тревожные вести – на скорое поступление горючего и боеприпасов не рассчитывать! А приказ командования требовал увеличить темп продвижения на помощь восставшим в Бухаресте. Патронов к стрелковому оружию – мало, снарядов к танковым орудиям – половина положенной нормы, дизтопливо – на исходе. Картина, одним словом, не из радостных...

На подступах к Бырладу 233-я бригада с ходу разгромила два пехотных батальона, имевших задачу занять оборону на выгодном рубеже, прикрыв город с севера. Были взяты богатые трофеи: оружие, продовольствие. Старший лейтенант Иван Якушкин приказал каждого танкодесантника дополнительно к штатному ПППШ вооружить немецкими автоматами. Взять к ним не менее 300 патронов на ствол, а свои боеприпасы беречь! Так же поступили и другие подразделения бригады.

Решив вопрос с вооружением десантников, оставалось решить не менее важную проблему – где взять горючее. Дизельного топлива в Бырладе не было. Нашли только бензин и керосин. Иван Якушкин предложил командиру батальона майору Григорию Городилову подготовить для танков «коктейль» в пропорции – на ведро бензина два ведра керосина и попробовать на одной машине...

Заправили такой смесью танк младшего лейтенанта Константина Степанова, «Шерман» прошел по кругу около двух миль – результат обнадеживающий. Только мотор быстрее перегревался, а раз так, то в ходе движения потребуются более частые остановки для охлаждения дизелей.

Вскоре все танки были заправлены этим «коктейлем» и пошли вперед, на Бухарест.

Боезапас – брать про запас!

Вынесенный в заголовок каламбур – не игра слов. Это кредо танкистов, железный закон, которым руководствовались перед глубокой наступательной операцией. А таковыми были все, проведенные на зарубежных территориях юго-востока и центра Европы (Яссо-Кишиневская, Будапештская, Венская и Пражская). Мы были уверены, что, прорвавшись глубоко в расположение противника, найдем там и продукты, и горючее (хотя бы суррогатное, как в приведенном выше примере), а вот боеприпасы – нет. А без них танк не грозная сила, а так – металлолом. Боекомплект «Шермана» состоял из 71 снаряда, и еще штук 30–40 брали дополнительно. Хотелось бы захватить побольше, но нельзя. Не следует забывать, что М4А2 «нес» на себе не только снаряды, но и дополнительные топливные бачки и около 10 танкодесантников, которым требовалось создать нормальные условия для размещения, чтобы не потерять по дороге. Самое же главное требовалось обеспечить башне круговой поворот для стрельбы...

В боях на Правобережной Украине в конце сорок третьего – начале сорок четвертого года мы еще только привыкали к недавно полученным «Шерманам». Изучали их положительные и отрицательные качества. Что касается снарядов, то они «проявили» себя с самой лучшей стороны, будучи прекрасно упакованными в картонные пеналы и связанные по три штуки. Главное, что в отличие от снарядов «Т-34-76» при возгорании танка они не детонировали.

Выяснилась эта особенность снарядов «Эмча» вот при каких трагических обстоятельствах. Февраль сорок четвертого года. В конце прошедшего месяца завершилась операция по окружению Корсунь-Шевченковской группировки противника. Вторые сутки шли непрерывные ожесточенные бои на направлении Ризино – Лысянка. Мощным танковым ударом враг стремился сокрушить обороняющиеся войска 6-й танковой армии и 47-го стрелкового корпуса и прорваться к попавшим в «котел» своим соединениям.

Как я уже говорил, в этот период я занимал должность начальника артиллерийского снабжения первого батальона 233-й танковой бригады. К обязанностям моей службы относился ремонт вооружения танков и обеспечение их всеми видами боеприпасов. Делать последнее было нелегко, учитывая состояние дорог, превратившихся в болота. Подвоз боеприпасов (2–3 рейса в сутки) выполняла «полуторка», которую приходилось многие километры толкать, десятки раз вызволяя из «объятий» раскисшего грунта.

Раннее утро 13 февраля. Наконец, притолкали, притащили, можно сказать, принесли на себе автомашину с боеприпасами. «Шерманисты» очень обрадовались, поскольку в танках осталось по 7-10 снарядов и по сотне патронов, а грядущий день наверняка будет еще напряженной минувшего. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, рвались на север к своим окруженным войскам, при неудаче на одном направлении немедленно перенося усилия на другое. В их атакующем эшелоне находились только «Тигры» и пехота на бронетранспортерах. Одним словом, высокоманевренные подразделения и части...

От «Шермана» к «Шерману» колесила полуторка. Экипажи быстро перебрасывали снаряды и ящики с патронами из кузова автомашины на жалюзи моторного отделения. Потом они раскупорят артвыстрелы, откроют «цинки» и погрузят в башню на их штатные места. Мы спешим к последнему танку младшего лейтенанта Алексея Васина. Пополним его – и, не задерживаясь, в обратный трудный рейс. В это время совершенно неожиданно из-за длинной возвышенности выползли четыре «Тигра». Их никто сначала и не заметил, будучи занятыми разгрузкой боеприпасов. И только сверлящий звук выпущенной противником «болванки» заставил всех встrepенуться. В этот момент последовал сильный удар в корпус «Шермана». Огонь моментально объял мотор.

Танкисты и артснабженцы с М4А2 посыпались на землю. Второй вражеский снаряд превратил «полторку» в костер. Погиб ее шофер младший сержант Юрий Удовченко, пытавшийся увести машину из-под огня. Экипаж танка кинулся тушить пожар. Мы бросились помогать «шерманистам», и тут серия разрывов неприятельских мин легла недалеко от танка. Осколком был тяжело ранен механик-водитель... Через мгновение может последовать второй, более точный минометный залп. Ведь все мы, восемь человек, как на ладони. Кругом чистое поле – рядом ни кустика, ни овражка, куда можно было бы спрятаться. Одно укрытие – под горящим танком. Подаю команду: «Под машину!» Вовремя забились под его носовую часть. Разрыв за разрывом подняли черные султаны земли в одном-полтора метрах от «Шермана». Будь мы с ним рядом, наверняка погибли бы.

Итак, целая группа офицеров и сержантов была загнана в тупик: если мы побежим, то нас убьют минометчики, если останемся – огонь доберется до башни и взрыв боеукладки разметет танк и нас вместе с ним. И в том и в другом случае исход один – смерть. В этом я был на сто процентов уверен, насмотревшись на «тридцатьчетверки», боеукладка в которых сдетонировала от пожара.

В летних боях сорок второго года машина моего друга по танковому училищу командира роты лейтенанта Петра Тунина была подожжена. Два члена экипажа погибли, два были ранены. Тунин, истекая кровью, пытался подальше отползти от пылающей «тридцатьчетверки»... Их разделяло 15–20 метров, когда произошел взрыв снарядов в башне. Куски брони полетели в разные стороны. Один из них настиг Тунина... Позже уже холодное тело офицера подобрали в борозде на гречневом поле. Выяснилось, что увесистый осколок металла раскроил ему череп... Я уже сказал, что мы еще только осваивали недавно полученные американские танки и поэтому новую для нас технику мерили своим аршином по опыту службы на отечественных машинах.

Мы, плотно прижавшись друг к другу, лежали под все более раскаляющимся днищем танка и ждали взрыва боеукладки в башне и снарядов на моторном отделении. Пройдет немного времени, и на нашей земле появится еще одна братская могила...

Огонь давал о себе знать. У тех, кто был ближе к моторной части, начали дымиться комбинезоны. Мы вертелись под танком, терлись о землю, пытались покрыть одежду слоем грязи как дополнительной защитой. Один из танкистов, не выдержав испытание огнем, выскочил «на волю». Два разрыва мин – и он распластался на пашне. Шансов убежать нет. Начали срабатывать боеприпасы на автомашине: глухой выстрел и шлепок снаряда о землю. Меня удивило, что за этим не последовало взрыва. Подумалось, что это произошло по той причине, что вышибленный снаряд на своей траектории не встретил препятствия и его взрыватель, следовательно, не сработал. Таких благоприятных условий в танке не будет. Наоборот, в боевом отделении для летящего снаряда кругом преграды.

Кульминационный момент приближался. Шипя, огонь ворвался в боевое отделение танка. Люки башни были открыты, что усилило тягу. Температура под днищем М4А2 сразу поднялась на несколько градусов...

Мы прислушивались, стараясь определить, на каком расстоянии от нас идет бой, но он шел на прежнем рубеже, и, следовательно, наш танк все еще находился под прицелом немецких минометчиков. Нестерпимо жарко и страшно под танком, но покидать укрытие нельзя, если не хочешь погибнуть от минометного огня.

Выстрел в башне. Вылетевший из гильзы снаряд прогрохотал по броне, описав несколько кругов, и упал на пол. Тишина... Пока повезло – сработал бронебойный унитар. То ли будет, когда подойдет очередь «стрельбы» осколочным снарядом! Он взорвется сам и непременно вызовет детонацию себе подобных. Вот тут нам всем и каюк!

Прошло еще немного времени. Патронная трескотня в башне усиливалась. Мы на нее уже не обращали внимания... Ждали других звуков. И вот, наконец, громыхнула целая серия

артиллерийских выстрелов. Звон, металлический скрежет, но взрывов нет. Тишина! Затем еще и еще залпы. Лязг и снова тишина!

Такое ожидание рокового мига длилось что-то около часа. Огонь продолжал хозяйничать внутри броневго корпуса, артвыстрелы прекратились, детонации так и не последовало. Грохочущая пальбой линия соприкосновения сторон откатывалась все дальше и дальше на юг.

Группа грязных, очумевших от высокой температуры, отравленных угарным газом и потрясенных постоянным ожиданием смерти танкистов выползла из-под дымящего, дышащего жаром закопченного «Шермана». Ноги не держали. Присели... Сеял мелкий дождь. Мы с удовольствием подставили чумазные лица под его охлаждающие брызги и глубоко вдыхали влажный чистый воздух.

До конца войны на западе и в сражении с японской Квантунской армией не было ни одного случая, чтобы у горящего «Шермана» взорвался боезапас. Работая в Военной академии имени М.В. Фрунзе, я через соответствующих специалистов выяснил, что американские пороха были очень высокой очистки и не взрывались при пожаре, как делали наши снаряды. Это качество позволяло экипажам не бояться брать снаряды сверх нормы, загружая их на пол боевого отделения так, что по ним можно было ходить. Кроме того, их укладывали на броню, обертывая в куски брезента, крепко привязывали бечевками к жалюзи и надгусеничными крыльями...

При действиях соединений 6-й (6-й гвардейской) танковой армии в качестве подвижных групп фронтов (Яссо-Кишеневская и Маньчжурская операции) тыловые подразделения передовых бригад всегда двигались со своими танками. Если бригадные подразделения обеспечения находились на удалении 10–15 км от линии боевого соприкосновения, то батальонные – не далее 3–5 км, то есть совсем рядом. В транспортном отделении взвода обеспечения батальона числилось девять «Студебеккеров», три из которых были постоянно загружены снарядами и патронами к обычным и зенитным пулеметам, к личному оружию членов экипажа-автоматам «Томпсон». В сумме на них находилось примерно четверть боекомплекта для оружия «Шерманов» батальона. Это был, образно говоря, «второй эшелон» танкового боекомплекта...

Радиофикация взвода обеспечения КВ-радиостанцией, снятой с подбитой машины, позволяла ему по команде подавать боеприпасы к «Шерманам» в любой нужный момент. При высокоманевренных и скоротечных боевых действиях регламентация по времени или рубежам этого, да и других видов тылового снабжения исключалась и боезапас подразделений пополнялся «по вызову». Как только батальонный запас снарядов и патронов пустел, машины немедленно отправлялись в автотранспортный взвод бригады, в котором было два отделения подвоза боеприпасов по 12 человек и 8 автомашин в каждом, перевозивших 1/4 боекомплекта бригады. Там машины батальона загружались снарядами и патронами и возвращались к себе. Нередко это бригадное подразделение обеспечения само подавало боекомплект на передовую, особенно во время ожесточенных боев. Тогда тыл части как бы «подстраховывал» нижестоящую службу.

По мере уменьшения нормативного запаса в автотранспортном взводе бригады его «Студебеккеры» отправлялись на обменный пункт корпуса и на складе боеприпасов загружались нужным их количеством...

В марте сорок четвертого года при наступлении на город Бельцы боеприпасы передовым батальонам 233-й бригады сбросили на парашютах. Это был единственный случай на нашем 2-м Украинском фронте. Но в условиях распутицы быструю их доставку обеспечить другим способом не представлялось возможным.

И еще несколько аспектов затронутой темы следует подчеркнуть. Службе обеспечения подразделений боеприпасами было вменено в обязанность изымать из подбитых, но не сго-

ревших танков оставшиеся в них снаряды и патроны и обращать их на пополнение боеспособных танков. Тем самым экономились дорогостоящие материалы и время, уменьшался, пусть и незначительно, пробег автотранспорта. Кроме того, в действующей армии существовали строжайшие указания все снарядные гильзы собирать и сдавать на склады, с которых получали боеприпасы. Конечно, в танках, даже таких просторных внутри, как «Шерман», долго хранить стреляные гильзы экипаж не мог. Как только пушечный гильзоулавливатель наполнялся примерно наполовину, его сразу очищали, выбрасывая гильзы, но не расшвыривали по полю, а складывали в одном месте. По возможности, это делалось организованно в масштабе подразделений – взводов и рот. Служащие транспортного отделения батальона подбирали их и сдавали в автотранспортный взвод бригады. А оттуда – перебрасывались на корпусной склад. И так, по цепочке, в глубь страны. Перед началом Маньчжурской операции нами был также взят сверхнормативный запас патронов и снарядов. Последние тщательно завертывали в брезент и закрепляли на наружной части корпуса «Шермана». При наступлении в пустыне Гоби проблем с дополнительным боезапасом не возникало, поскольку обильная пыль, оседавшая на их обертке, не причиняла вреда. А вот когда подразделения втянулись в южные отроги хребта Большой Хинган и начались ливневые дожди, командиры забеспокоились. Брезентовое покрытие дополнительного боезапаса, конечно, не обеспечивало герметичность. Картонные пеналы стали размокать, и возникла опасность окисления гильз унитаров. Такими снарядами стрелять нельзя, поскольку может не сработать экстрактор, не произойдет выброса стреляной гильзы. Она «запечется» в патроннике. Танкисты вынуждены были принять дополнительные меры защиты – часть снарядов в неразмокшей упаковке перекинули в боевое отделение; оставшиеся – дополнительно укрыли танковым брезентом, сложенным в несколько слоев. После преодоления гор из-за отсутствия горючего части 9-го мехкорпуса задержались в районе города Лубэй. Боеприпасы были почищены и высушены. Танкисты тщательно готовились к возможным боям с японцами в ходе дальнейшего продвижения на юго-восток. Опасения не оправдались, и огонь вести не понадобилось... Немалое количество боеприпасов мы просто перевезли на полторы тысячи километров без надобности.

В кулак собрав...

После Бырлада танки 233-й бригады устремились на юг – к так называемым «фокшанским воротам», образованным горами и рекой. Их необходимо было во что бы то ни стало проскочить с ходу. Гитлеровцы, прекрасно понимая наши намерения, навалились на подразделения бригады с воздуха. А отражать налеты самолетов нечем – перед Яссо-Кишиневской операцией к нам в бригаду пришла партия «Шерманов» без зенитных крупнокалиберных пулеметов.

С утра 25 августа – уже третий налет. В роте Ивана Якушкина повреждено две машины, подожжен автомобиль. Иван Игнатьевич был очень огорчен. Он собрал командиров взводов и танков, пригласил командира танкодесантников. Произвел тщательный анализ действий подчиненных во время атаки вражеской авиации. Подчеркнул, что некоторые экипажи останавливают машины при угрозе непосредственного удара с воздуха, что являлось большой ошибкой, поскольку подвижную цель противнику поразить труднее. Поставил перед всеми вопрос: «Как уклониться от бомб, сброшенных вражеским пикировщиком?» Офицеры молчали, не находя ответа. Иван Якушкин предложил, на первый взгляд, сложный способ действий экипажей в такой ситуации. Подробно разъяснил и даже практически показал, как это делать: «Давайте попробуем. Думаю, получится. Другого выхода я не вижу», – сказал ротный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.